ВОПРОСЫ МІРОВОЙ ВОЙНЫ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.

МОСКВА.
1917.

Платье для дѣвочки отъ 2—6 лѣтъ.

складки, обрамляющія передокъ, ук
...янутыми розовымъ шелкомъ; куш
...ка.

...тальеръ для визитовъ и

Пла
ло-р
ля;
лан
под
мат
ме
кал
доч
мле
ихъ
ши
ш
но
г
р
р
в
к
в

современномъ стилѣ, съ жемчугомъ и брильянтами

Настоящая брошюра была сдана въ печать въ концѣ апрѣля мѣсяца. Выходъ ея задержали «независящія обстоятельства», которыя, какъ видно, подъ тѣмъ или инымъ видомъ, долго не исчезнутъ съ лица земли Русской.

Событія текутъ такъ быстро, что въ теченіе мая, іюня, іюля и августа мѣсяцевъ произошло столько перемѣнъ въ положеніи, что необходимо обратить вниманіе читателя на это независящее отъ воли автора, издателя и типографіи замедленіе въ выходѣ брошюры.

Просимъ также имѣть въ виду и нижеслѣдующіе замѣченные опечатки и пропуски:

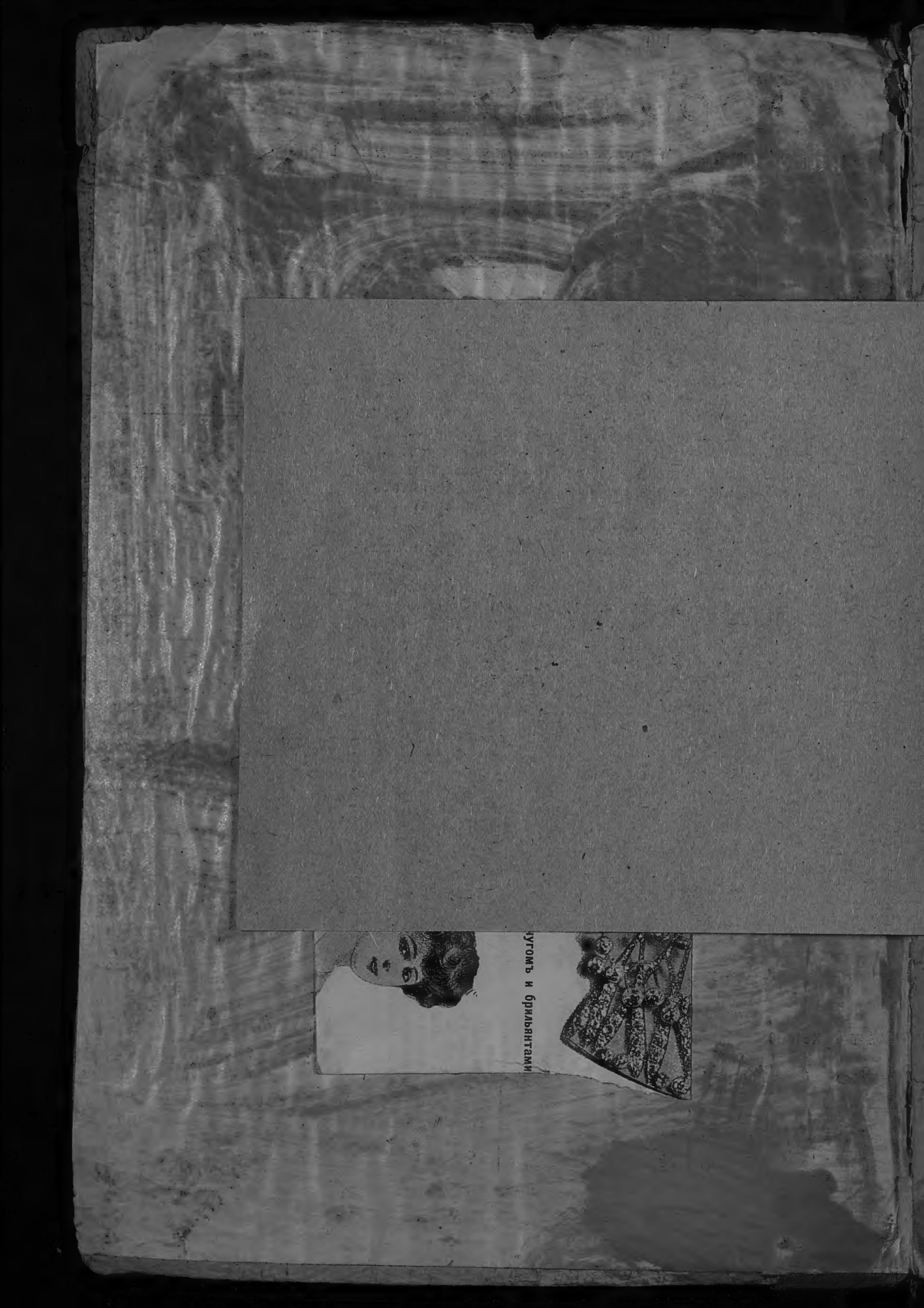
1. На стр. 15, напечатано:—народная психологія есть первоначальное данное, одной изъ соціальныхъ силъ; слѣдуетъ читать:—народная психологія есть первоначальное данное, одна изъ соціальныхъ силъ.

2. На стр. 24, напечатано:—на усиленіе Русской арміи; слѣд. читать:—на усиленіе Прусской арміи.

3. На стр. 70, п. 5, слѣдуетъ читать такъ:

Вопросъ о мировой войнѣ съ точки зрѣнія международнаго положенія характеризуется прежде всего борьбой демократическихъ державъ согласія противъ монархическихъ государствъ—Германіи, Австріи, Болгаріи и Турціи. Не надо далѣе забывать, что Бельгія, Сербія, Черногорія и Румынія потерпѣли жесточайшія страданія и разореніе въ надеждѣ, между прочимъ, на помощь Россіи и во имя святости международныхъ договоровъ (Бельгія).

МОСКВА,
Типографія М. И. СМИРНОВА подъ фирмой „Московскій Листокъ"
Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. 5.
1917.

чугомъ и брильянтами

ВОПРОСЫ

МИРОВОЙ ВОЙНЫ

съ точки зрѣнія научнаго соціализма.

МОСКВА,
Типографія М. И. СМИРНОВА подъ фирмой „Московскій Листокъ"
Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. 5.
1917.

ВОПРОСЫ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

съ точки зрѣнія научнаго соціализма

Введеніе.

Въ своей знаменитой рѣчи «О сущности конституціи» Лассаль высказалъ одну изъ часто забываемыхъ въ періодъ особенно острой борьбы аксіомъ.

«Откровенное заявленіе истиннаго положенія вещей составляетъ исходный пунктъ каждаго большого историческаго акта, въ то время какъ замалчивать и скрывать обстоятельства—дѣло политическаго недомыслія».

Истина—есть революція, ибо сама революція есть ни что иное, какъ возстановленная правда жизни.

Ложь и извращеніе могутъ служить для заговора, бунта, но только истина и при томъ истина научная можетъ быть положена въ основаніе революціи, т. е. провозглашенія и торжества новаго принципа, новыхъ устоевъ жизни.

Всякая ложь отъ лукаваго и влечетъ за собой побѣду темныхъ силъ.

Въ Евангеліи есть чудное мѣсто, о которомъ долженъ всегда помнить вѣрующій и невѣрующій, разъ онъ хочетъ творить добро.

«Вы—дѣти своего отца дьявола, и хотите творить похоти отца своего. Онъ издавна былъ человѣкоубійцей, ибо въ немъ нѣтъ истины и онъ не стоитъ на ней. Онъ есть ложь и отецъ лжи».

Есть разныя отправныя точки зрѣнія, разные углы зрѣнія, но научная истина одна.

Въ общественныхъ и историческихъ явленіяхъ истину найти трудно, но тѣмъ настойчивѣе ее необходимо искать.

Во всякомъ случаѣ, принявъ за отправную точку зрѣнія ту или иную соціологическую теорію, необходимо быть ей вполнѣ послѣдовательнымъ, если только она не опровергается

непреложными фактами и даетъ освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ.

Авторъ является старымъ послѣдователемъ ученія о развитіи общества, созданнаго Карломъ Марксомъ, которое называютъ по разному, но суть не въ названіи:—экономическій матеріализмъ, историческій матеріализмъ, научный соціализмъ, это безразлично.

Автору больше нравится названіе—«научный соціализмъ», ибо оно вполнѣ соотвѣтствуетъ той конечной точкѣ развитія общества, которую въ пестрой картинѣ капиталистическаго общества геніально преугадалъ Марксъ. Марксизмомъ—четвертое названіе—понятно, не закончено научное развитіе человѣчества въ области познанія законовъ общественнаго развитія, но до настоящаго времени нѣтъ другой теоріи, которая бы давала путеводную нить въ лабиринтѣ исторіи и соціологіи.

А въ переживаемое нами переходное время мы больше чѣмъ когда-либо нуждаемся въ оцѣнкѣ событій съ строго-научной точки зрѣнія, ибо нынѣ куется на долгое время будущее нашей родины.

Однимъ изъ научныхъ завѣтовъ Маркса является строгій объективизмъ, стремленіе познать вещи, событія и тенденціи развитія **такъ, какъ они есть въ дѣйствительности**, а не такъ, какъ намъ нравится.

Къ этому и стремится авторъ.

Если онъ ошибается, то не въ угоду кому-либо или чему-либо, а просто потому, что человѣку свойственно ошибаться при самомъ сильномъ стремленіи къ истинѣ.

Быть можетъ въ будущемъ появится кругъ новыхъ руководящихъ идей, которыя устранятъ марксизмъ, какъ господствующую въ данное время теорію, но пока авторъ

Старый Марксистъ.

1. Миръ.

Земной шаръ становится все меньше и меньше и самыя отдаленныя страны все приближаются другъ къ другу вслѣдствіе развитія путей сообщенія. Перевозка разнообразныхъ продуктовъ изъ конца въ конецъ свѣта не только все ускоряется, но развитіе техники даетъ возможность перевозить на разстояніи тысячъ верстъ самые нѣжные и скоропортящіеся продукты. Такъ развитіе холодильнаго дѣла даетъ возможность доставлять изъ Америки и Австраліи въ Европу и изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири въ Москву и Петроградъ мясо, сало, масло, нѣжные фрукты и т. п.

Техника даетъ возможность перевезти все, что угодно, куда угодно и весьма быстро.

Міръ обладаетъ къ тому же такими колоссальными перевозочными средствами, что продукты могутъ быть перевезены въ громадныхъ количествахъ.

Въ зависимости отъ своихъ природныхъ условій разныя страны производятъ различные продукты потребленія, а потребности самыхъ бѣдныхъ и некультурныхъ слоевъ населенія все же таковы, что ихъ нельзя удовлетворить одними продуктами, добываемыми и обрабатываемыми въ собственномъ государствѣ.

Русскій крестьянинъ, наприм., давно уже пьетъ Китайскій и Цейлонскій чай, кладетъ въ щи ростущій подъ тропиками перецъ, коситъ австрійскими косами, жнетъ австрійскими серпами и т. д.

Чтобы имѣть возможность купить чужестранные товары, крестьянинъ долженъ вывезти заграницу свой хлѣбъ, ленъ и проч.

Такимъ образомъ, если бы даже всѣ страны стояли на одномъ уровнѣ культуры, то одно разнообразіе ихъ природныхъ условій неминуемо вызвало бы необходимость обмѣна произведеній одной страны на продукты другой, т.-е. создало бы международный міровой рынокъ.

Но страны разнятся между собой и по своей культурѣ; отсталыя страны вслѣдствіе несовершенства своего производства и недостатка капиталовъ сплошь и рядомъ не могутъ сами производить тѣ необходимые для ихъ населенія предметы, для производства которыхъ имѣется рѣшительно все. Отсталыя технически страны вынуждены продавать заграницѣ сырье или полуготовые продукты, чтобы затѣмъ получать обратно продукты вполнѣ готовые для потребленія.

Такимъ образомъ разнообразіе природныхъ условій странъ и различія въ ихъ промышленномъ развитіи заставляютъ страны производить обмѣнъ своихъ продуктовъ, т.-е. создаютъ международный рынокъ, ибо этотъ обмѣнъ совершается путемъ торговли т.-е. купли и продажи.

Но внутренняя и международная торговля немыслимы безъ кредита.

Поэтому чѣмъ больше страны входятъ на международномъ рынкѣ въ торговыя сношенія другъ съ другомъ, тѣмъ больше развивается международный кредитъ. Въ любой странѣ есть люди, которые должны гражданамъ другой страны или странъ и наоборотъ являются ихъ кредиторами.

Возьмемъ для наглядности двѣ какія нибудь страны, напр. Россію и Германію. Торговцы германскіе хлѣбомъ, льномъ, деревомъ, кожами должны русскимъ купцамъ. Въ то же время русскіе купцы, торгующіе машинами, издѣліями изъ желѣза, стали, игрушками и пр., остались должными германскимъ купцамъ. При этомъ надлежитъ имѣть въ виду, что такъ какъ различными товарами торгуютъ разные купцы, а производятъ ихъ разные промышленники, то въ каждой изъ этихъ двухъ странъ одни состоятъ кредиторами и совершенно другіе должниками.

Война выгодна должникамъ обѣихъ странъ, ибо она позволяетъ не платить кредиторамъ враждебныхъ странъ. Но по тому же самому она не выгодна кредиторамъ. Въ общемъ же война не выгодна всѣмъ, ибо она нарушаетъ правильныя тор-

говыя сношенія и заставляетъ искать новыхъ покупателей своихъ товаровъ.

Кромѣ связей путемъ иностранной торговли, интересы гражданъ міра связываются между собой еще и на почвѣ финансовой. Сами государства для удовлетворенія своихъ потребностей дѣлаютъ займы и внутри страны и еще больше у иностранныхъ капиталистовъ. Торговыя и промышленныя предпріятія все болѣе и болѣе работаютъ на акціонерный капиталъ и акціи продаются на международномъ финансовомъ рынкѣ. Недвижимыя имущества закладываются и закладныя свидѣтельства, дающія право на полученіе извѣстныхъ процентовъ, могутъ быть пріобрѣтаемы и гражданами другихъ государствъ. Такъ въ дѣйствительности и бываетъ и въ портфелѣ иного богача можно найти и государственные займы всевозможныхъ странъ, и акціи предпріятій, которыя находятся въ различныхъ государствахъ, и закладные листы, и желѣзнодорожные займы.

Но все это бываетъ не у однихъ богатыхъ людей. Процентныя бумаги всевозможныхъ наименованій и происхожденій покупаются на свои скромныя сбереженія и небогатыми людьми.

Наприм., французскіе крестьяне много своихъ сбереженій помѣстили въ русскія государственныя и желѣзнодорожныя цѣнности.

Возьмемъ для наглядности опять Россію и Германію.

Допустимъ, что въ рукахъ германскаго народа находится русскихъ государственныхъ бумагъ и различныхъ цѣнныхъ бумагъ частныхъ предпріятій на огромную сумму. Допустимъ далѣе, что война между Россіей и Германіей повела за собой рѣшительную побѣду Германіи и вызвала въ Россіи съ одной стороны государственное банкротство, а съ другой—раззореніе массы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

Ясное дѣло, что владѣльцы русскихъ бумагъ только потеряютъ отъ этой войны.

Изъ этихъ примитивныхъ примѣровъ видно, что международный торговый и финансовый рынокъ имѣетъ тенденцію стирать національныя различія, обращать побѣду надъ національнымъ врагомъ въ несчастье по крайней мѣрѣ для части гражданъ побѣдоноснаго народа.

Между тѣмъ международный рынокъ развивается все болѣе и болѣе.

Вмѣстѣ съ нимъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе зависимость благосостоянія гражданъ одной страны отъ благосостоянія гражданъ другой.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно торгово-промышленные и финансовые интересы такъ переплетутся на міровомъ рынкѣ, что всякій ударъ по національному противнику будетъ также чувствителенъ, если не болѣе, для собственныхъ гражданъ.

Помимо того, всякая война между двумя только государствами настолько больно будетъ ударять по интересамъ всѣхъ остальныхъ, что весь міръ окажетъ свое всесильное давленіе противъ рѣшенія спора силой и потребуетъ передачи спора международному трибуналу.

Войны все болѣе и болѣе привлекаютъ подъ ружье все боеспособное населеніе странъ, что особенно ясно показала настоящая міровая война. Военныя тяготы не могутъ не возбуждать всѣхъ и каждаго противъ войнъ. Но помимо долга крови войны вызываютъ и много другихъ лишеній.

Между тѣмъ развитіе среди народовъ богатства и наклонности къ удобствамъ и безопасности жизни дѣлаютъ для широкихъ народныхъ массъ всѣ эти военныя тяготы все болѣе и болѣе нестерпимыми.

Такимъ образомъ параллельно съ возростающей невыгодностью войнъ для народовъ возростаетъ и нежеланіе народовъ проливать свою кровь, подвергать свою жизнь и здоровье неминуемымъ опасностямъ.

А такъ какъ самыя государства становятся все болѣе и болѣе демократическими, т. е. власть въ нихъ все болѣе и болѣе переходитъ къ самимъ народамъ, то возростающее въ широкихъ народныхъ массахъ отвращеніе къ войнѣ становится все болѣе и болѣе значительнымъ противодѣйствіемъ возникновенію войнъ.

Если бы во всемъ цивилизованномъ мірѣ можно было бы устроить плебесцитъ (опросъ всѣхъ и каждаго), то ЗА МИРЪ и противъ ВОЙНЫ высказалось бы подавляющее большинство, въ которомъ меньшинство исчезло бы, какъ капля въ морѣ.

Если бы опросить и всѣхъ некультурныхъ еще людей, то и здѣсь громадное большинство оказались бы сторонниками мира.

Христіанство—эта религія культурныхъ народовъ—громко вопіетъ противъ войны, а извѣстно, что религія есть наиболѣе общее выраженіе народныхъ идеаловъ.

Наука всегда была противъ войны. Даже цари, которыхъ на троны сажаетъ именно война, теоретически высказываются противъ нея и всегда стараются даже самую завоевательную и несправедливую войну изобразить, какъ войну, вызванную необходимостью.

Потрясающій своимъ желѣзнымъ кулакомъ своды всего міра императоръ Вильгельмъ и тотъ старается изобразить себя и свой народъ въ состояніи «необходимой обороны».

Такимъ образомъ в с ѣ противъ войны, и теоретики научнаго соціализма не могутъ претендовать на то, что только они одни высказываются противъ войны.

Но вотъ на что они могутъ претендовать:

1. Опираясь на всю предшествующую науку, они показали, какіе зародыши будущаго мира народовъ кроются въ современномъ обществѣ и при какихъ условіяхъ мечтанія народовъ о вѣчномъ мирѣ могутъ воплотиться въ дѣйствительность или побороть тѣ силы, которыя въ нѣдрахъ того же общества толкаютъ народы къ братоубійственной бойнѣ.

2. Въ лицѣ трудящихся всѣхъ народовъ они указали и дѣйствительную силу, которая можетъ водворить вѣчный миръ

3. Не имѣя возможности достичь вѣчнаго мира въ данное время и, быть можетъ, еще въ теченіе долгихъ лѣтъ, они освѣтили тѣ пути, которыми должно итти, чтобы избѣжать частыхъ и безсмысленныхъ войнъ, войнъ изъ-за причудъ императоровъ и королей, династическихъ интересовъ и простого неразумія дипломатіи.

Но ни идеалистическая борьба выдающихся мыслителей и гуманистовъ, ни тяжелый кулакъ рабочаго не сокрушитъ Молоха войны ранѣе, чѣмъ для того создадутся объективныя условія.

Думаю, что настоящая война далеко не послѣдняя, ибо въ нѣдрахъ самаго общества есть много условій неотвратимости будущихъ войнъ.

Соціалистическими писателями ясно указано одно изъ противорѣчій капиталистическаго строя, а именно, что одновременно съ залогомъ мира всего міра онъ является залогомъ и міровой войны и войнъ болѣе мѣстнаго такъ сказать характера.

2. Микробы войны въ нѣдрахъ современныхъ культурныхъ государствъ.

Крупное капиталистическое производство жадно ищетъ рынка для сбыта своихъ товаровъ. А міръ сталъ тѣсенъ и на міровомъ рынкѣ между капиталистами разныхъ странъ царитъ самая отчаянная борьба.

Тѣ же поиски, гдѣ бы еще продать, заставляютъ вести такъ называемую колоніальную политику, т.-е. подчинять своей власти страны, населенныя менѣе культурными народами, и навязывать имъ чуть не силой продукты отечественнаго производства. Но и колоній стало мало на бѣломъ свѣтѣ. Отсюда всѣ стремятся захватить еще свободныя мѣста подъ солнцемъ и стремленіе это поддерживаютъ силой оружія. За отсутствіемъ свободныхъ колоній приходится просто отнимать ихъ отъ болѣе слабыхъ народовъ.

Но сами колоніи съ небольшой охотой терпятъ власть чужестранцевъ. Какъ только они развиваются и начинаютъ чувствовать свою силу, они готовы сказать своимъ повелителямъ: «ступайте прочь»!

Необходимо отмѣтить, что колоніальную политику и отношенія страны господствующей (метрополіи) къ странѣ подчиненной (колоніи) нельзя ограничить только тѣми случаями, гдѣ мы имѣемъ очевидное вторженіе культурныхъ завоевателей въ дикія страны.

Колоніальный характеръ часто имѣютъ отношенія одной страны къ другой и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ страны вполнѣ политически самостоятельны другъ отъ друга и даже колонія мало уступаетъ въ своей силѣ метрополіи.

Напримѣръ отношенія между Россіей Николая II и Вильгельма II носили несомнѣнно довольно ярко выраженный характеръ колоніальныхъ, при чемъ метрополіей была Германія, а колоніей Россія.

Россія, какъ всякая порядочная колонія, вывозила въ Германію сырье и ввозила продукты обрабатывающей промышленности. Россія зависѣла и въ финансовомъ отношеніи отъ Германіи.

Неудивительно, что Россія зависѣла отъ Германіи и политически. Правда, между сосѣдними монархами была крѣпкая дружба, а между консерваторами странъ прямо любовь, но

въ любви и въ дружбѣ есть также побѣдители и побѣжденные, и побѣдителемъ былъ представитель метрополіи Вильгельмъ и побѣжденнымъ—представитель колоніи Николай.

Метрополія добывала съ насъ копѣйку, какъ и подобаетъ метрополіи, не только аршиномъ, но и мечомъ, т.-е. путемъ давленія своего бронированнаго кулака добивалась такихъ торговыхъ договоровъ, которые переводили изъ русскаго дырявaго кармана многія сотни милліоновъ въ кошель Михеля.

Другой примѣръ—Китай, который всѣ опекаютъ, чтобы обирать.

Недружелюбныя чувства, которыя всегда питаетъ обираемый къ обирающему (и которыя несомнѣнно были и до войны у русскихъ къ нѣмцамъ), являются серьезнымъ условіемъ военныхъ конфликтовъ. Къ такимъ же возбудителямъ воинственнаго жара относятся и самые торговые договоры, ибо всякая страна хочетъ устроиться повыгоднѣе и не прочь свои требованія поддержать силой.

Сами культурныя государства весьма различны по степени и характеру своего культурнаго развитія. Поэтому въ различныхъ государствахъ различна и степень того вліянія, которое можетъ оказать на правительство демократія и ея вождь—соціалъ-демократія.

Съ другой стороны несомнѣнно, что при прочихъ равныхъ условіяхъ идеи миролюбія и тѣмъ болѣе ихъ проведеніе въ жизнь должны ослабить боевую мощь государства.

Отсюда страна, ушедшая впередъ по пути прогресса и демократизма, можетъ сдѣлаться заманчивой добычей страны болѣе отсталой, ибо послѣдняя и лучше вооружена и идея насильственнаго обогащенія въ ней не встрѣтитъ серьезныхъ препятствій.

Такимъ образомъ само миролюбіе (пацифизмъ) можетъ послужить поводомъ къ войнѣ со стороны болѣе воинственнаго государства.

Вѣчный міръ станетъ возможнымъ только тогда, когда весь міръ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ самыхъ могущественныхъ государствъ, станетъ истинно демократическимъ.

Не забудемъ, что существуютъ колоссальныя національныя силы, которыя едва прикоснулись къ чашѣ цивилизаціи: Китай, Индія, вся Африка и пр. Не забудемъ, что эти потенціально громадныя силы въ недалекомъ будущемъ попытаются сбро-

ситѣ съ себя иго своихъ европейскихъ и американскихъ опекуновъ и встать во весь свой могучій ростъ.

Вотъ одинъ изъ неотвратимыхъ источниковъ войнъ.

Но микробы войны окажутся еще сильнѣе, если мы разсмотримъ вопросъ съ самой общей точки зрѣнія—прошлой исторіи человѣчества и самыхъ источниковъ его культуры, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго взглядовъ страстей, привычекъ, однимъ словомъ психологіи народовъ.

Ученіе экономическаго матеріализма есть ученіе о постепенномъ развитіи человѣчества, объ эволюціи человѣческихъ обществъ. Ученію этому менѣе всего свойственъ взглядъ, что можно измѣнить пути человѣчества простой проповѣдью, что можно изобразить лучшее будущее на бѣломъ листѣ бумаги внѣ зависимости отъ прошлаго и принудительно провести этотъ планъ наилучшаго государственнаго и общественнаго строя въ жизнь.

Всякая эволюціонная теорія признаетъ, что «надъ нами властвуютъ мертвецы», что существуютъ извѣстные законы развитія, которые внѣ власти человѣка, что шествіе человѣчества по пути прогресса можно ускорить или задержать, но нельзя направить по другимъ путямъ, чѣмъ тѣ, которые продиктованы всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ. По исчисленію изслѣдователей первобытной, доисторической и даже дочеловѣческой культуры человѣка, человѣчество существуетъ многіе десятки тысячъ лѣтъ съ того момента, когда изъ общаго міра животныхъ выдѣлился родъ человѣческій, еще стоящій вплотную съ другими видами млекопитающихся, но уже получившій тѣ задатки, которые въ теченіе временъ сдѣлали его царемъ природы—человѣкомъ. Понятно, что все это время сумерокъ человѣчества, время до порога не только исторіи, но даже варварства, человѣкъ велъ неустанную борьбу съ животными и эта борьба изощряла способности человѣка. Но большимъ двигателемъ первобытной доисторической культуры была борьба человѣка съ человѣкомъ.

Только въ лицѣ себѣ подобнаго человѣкъ встрѣтилъ врага, столь же хищнаго и жестокаго, сколько хитраго и умнаго.

Приходилось перехитрить врага или погибнуть.

Ясно, что болѣе одаренныя особы одерживали верхъ, неприспособленныя къ борьбѣ гибли и эта страшная рѣзня

среди первобытныхъ лѣсовъ и въ пещерахъ была, однако, могучимъ двигателемъ прогресса.

Если отъ временъ до-историческихъ мы обратимся къ временамъ, которыя слабо, но все же освѣщены лампой исторіи, то мы опять увидимъ, что борьба не ослабѣваетъ, а все время увеличивается.

Именно подъ вліяніемъ борьбы съ себѣ подобными человѣкъ долженъ былъ искать себѣ подобныхъ союзниковъ, ибо если для борьбы съ страшнѣйшими животными достаточно было такого простого и небольшого единенія, какъ семья, то борьба съ человѣкомъ потребовала большихъ человѣческихъ объединеній и повела къ образованію сначала большихъ семей, а потомъ и племенъ, и народовъ, и государствъ.

«Германцы» тѣхъ отдаленныхъ временъ, которые не умѣли даже писать, практически доказывали другъ другу, что только сила большихъ объединеній можетъ спасти людей отъ такихъ же людскихъ единеній.

«Бельгіи, Сербіи и Румыніи» всегда гибли подъ напоромъ болѣе сильныхъ и въ тѣ отдаленныя времена.

Если орудія истребленія въ своемъ постепенномъ усовершенствованіи зависятъ отъ состоянія производства, отъ техническихъ знаній и опыта, то въ свою очередь потребность въ наиболѣе усовершенствованныхъ средствахъ истребленія человѣка человѣкомъ была однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей техническаго прогресса.

Исторія неопровержимо доказываетъ, что потребности государственной обороны и стремленіе создать сильныя арміи заставляли самыя отсталыя правительства всѣми доступными для государства мѣрами покровительствовать техническому прогрессу страны.

Такъ неудачи Крымской кампаніи заставили русскихъ самодержцевъ приступить къ желѣзнодорожному строительству и покровительствовать промышленности. Сибирскій желѣзнодорожный путь возникъ исключительно изъ потребностей военныхъ. Много желѣзныхъ дорогъ на Югѣ и особенно западѣ Россіи построены по стратегическимъ соображеніямъ. Однако, в с я - к а я ж. дорога является могучимъ двигателемъ культуры и прогресса.

Побѣда надъ внѣшними врагами давала всегда выгоды не одному господствующему классу, но всему народу. Испанія стала великимъ государствомъ, побѣдивъ лавровъ и ограбивъ Американскія народности. Могущество Англіи, прогрессъ ея торговли и промышленности выросли на костяхъ испанскаго могущества отъ завоеванія Индіи и другихъ колоній. Японія вошла въ кругъ великихъ державъ послѣ побѣды надъ Россіей и присоединенія Кореи и части Манчжуріи. Сама Россія стала Велико-державной и получила возможность дальнѣйшаго прогресса, завоевавъ Царства Казанское и Астраханское и подчинивъ себѣ Сибирь, Кавказъ, пріобрѣтя Средне-Азіатскія владѣнія.

Мы знаемъ, что при этомъ были завоеваны и разрушены многія государства.

Разгромъ Франціи обогатилъ Германію и далъ могучій толчекъ развитію ея производительныхъ силъ.

«Удачнѣе сложился для Германіи другой результатъ ея завоевательной войны. Ружейные приклады германскихъ армій широко раскрыли предъ ней ворота всемірнаго рынка. Огромное увеличеніе свободнаго капитала и количества денегъ, находящихся въ обращеніи, дало также могучій толчекъ развитію молодой индустріи.» (Мерингъ, Исторія Гер. Соц. демокр. т. IV, стр. 27).

Не стоитъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ, чтобы доказать, что мнѣніе, что побѣда одного народа надъ другимъ выгодна т о л ь к о правящимъ классамъ народа побѣдителя, а не всему народу, въ общемъ совершенно не правильно.

И уже во всякомъ случаѣ для всѣхъ очевидно, что отъ пораженія страдаетъ рѣшительно весь народъ.

Франція падала въ экономическомъ отношеніи все ниже и ниже.

«Конечно, этого нельзя приписать одной французской экономической политикѣ—это обусловлено обстоятельствами, не зависящими отъ нея. 1871 годъ принесъ объединеніе Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ появленіе новаго грознаго конкуррента (для Франціи). Та же самая война, которая увеличила Германію на двѣ провинціи и принесла ея казнѣ 5 милліардовъ, сдѣлала Францію, предварительно опустошивъ ее, на тѣ же провинціи меньше и милліарды бѣднѣе. (Каутскій, «Положеніе пролетаріата въ республиканской Франціи», стр. 126).

Вотъ почему въ каждомъ народѣ до сихъ поръ живетъ жажда побѣды, которая уступаетъ по своей силѣ только ужасу пораженія.

Какъ объяснить себѣ слѣдующіе безспорные факты?

Почему народъ окружаетъ ореоломъ славы побѣдителей—Суворовыхъ, Скобелевыхъ, Гинденбурговъ, Наполеоновъ, Цезарей, Вилингтоновъ?

Почему самое плохое и ненавистное народу правительство укрѣпляется послѣ побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ?

Почему самый культурный народъ не только признаетъ, но прославляетъ, гордится самой несправедливой завоевательной войной, лишь бы она оказалась побѣдоносна?

Можно, конечно, попытаться объяснить это заблужденіемъ народовъ, въ которое они вовлекаются обманомъ со стороны господствующихъ классовъ.

Но если даже признать здѣсь наличность заблужденія, то нельзя забывать, что такое заблужденіе питали ВСѢ народы и во всѣ времена. «Заблужденіе» это есть одно изъ сильнѣйшихъ вѣрованій, одинъ изъ устоевъ народной психологіи. А разъ это такъ, то правильно оно или нѣтъ, становится совершенно или почти безразлично, ибо народная психологія есть первоначальное данное одной изъ соціальныхъ силъ, которыя мѣняются только съ большимъ трудомъ и въ теченіе продолжительнаго періода времени.

Эта трудность измѣненія «заблужденія» и время, для этого необходимое, тѣмъ болѣе значительны, что народъ, живя въ мало измѣняющихся условіяхъ, вообще съ трудомъ разстается и съ своими вѣрованіями, привычками, однимъ словомъ съ трудомъ мѣняетъ свою психологію.

Понятно, что, чѣмъ болѣе отсталъ народъ, тѣмъ эта перемѣна труднѣе. Но заблужденіе ли мысль о выгодѣ для всего народа побѣдоносной войны и пагубности войны проигранной?

Германскую соціалъ-демократію нельзя обвинить ни въ недостаткѣ разума, ни въ недостаткѣ образованныхъ и проницательныхъ руководителей, ни въ отсутствіи, наконецъ, признанія международности пролетаріата.

Никто также не станетъ отрицать того, что германская соціалъ-демократія пользуется огромной силой, во всякомъ слу-

чаѣ достаточной для того, чтобы сдѣлать немыслимой ЗАВОЕВАТЕЛЬНУЮ и жестокую войну.

Однако, никакихъ серьезныхъ попытокъ къ тому мы не видимъ.

Мало того, партія, какъ таковая, поддержала кайзера въ его стремленіяхъ стать властителемъ Европы.

Если въ послѣднее время мы замѣчаемъ нѣкоторое отрезвленіе, то едва-ли его можно приписать тому, что нѣмецкіе соціаль-демократы разувѣрились въ выгодахъ побѣдоносной войны, а скорѣе тому, что они стали сомнѣваться въ возможности побѣды.

Кто можетъ отвергать государственный разумъ англійской, французской, бельгійской и американской демократіи?

Очевидно, не только народная психологія, которая въ теченіе десятковъ тысячелѣтій образовалась подъ вліяніемъ выгодъ побѣдъ и тягости пораженій, но и государственное чувство демократическихъ слоевъ народовъ не перестали считать выгодной для всего даннаго народа побѣдоносную войну, а такое убѣжденіе несомнѣнно является однимъ изъ источниковъ, какъ настоящей, такъ и будущихъ войнъ.

Война прекратится тогда, когда онѣ станутъ невыгодны, если не всѣмъ рѣшительно народамъ міра, то, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которымъ принадлежитъ міровая власть и которые смогутъ заставить и народы, болѣе отсталые и менѣе сильные сначала ограничить, а потомъ и совсѣмъ прекратить вооруженія, распустить постоянныя арміи и проч.

НЕВЫГОДНОСТЬ войнъ создастся экономическимъ развитіемъ міра, провозглашаться и проповѣдываться война будетъ писателями, ораторами, моралистами, государственными дѣятелями, духовенствомъ, но война будетъ поражена объединенными силами международнаго пролетаріата.

Никто не можетъ предсказать, когда это будетъ.

Но думается, что для народовъ, которые считаютъ дни свои годами-это наступитъ скоро, для людей же, увы, это еще музыка будущаго...

3. Теоретики научнаго соціализма о войнѣ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что пролетаріатъ и его идейные вожди—сторонники и защитники мира всего міра.

Но марксизмъ есть прежде всего научное, т. е. глубоко реалистическое міросозерцаніе.

Марксизмъ никогда не отрицалъ вліянія идей на общественную и государственную жизнь, но онъ всегда указывалъ, что это вліяніе не въ силахъ измѣнить хода развитія странъ и обществъ, желѣзные законы общественнаго развитія, «а только въ состояніи уменьшить муки родовъ стараго строя новымъ строемъ».

Марксизмъ въ отличіе отъ утопизма съ одной стороны и радикализма съ другой—основанъ на НЕОБХОДИМОСТИ, а отнюдь не на ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ или долженствованіи.

Ставя себѣ великія и принципіальныя цѣли, научный соціализмъ болѣе всякой другой теоріи считается съ дѣйствительностью, съ той обстановкой, въ которой онъ долженъ дѣйствовать.

Догматизмъ менѣе всего свойственъ этому научному міросозерцанію.

Научный соціализмъ, подобно мореплавателю, держитъ свой путь по звѣздамъ въ необъятномъ океанѣ жизни, но онъ такъ же, какъ искусный кормчій, признаетъ необходимымъ считаться и съ подводными скалами, и встрѣчными вѣтрами, и мелями, и вести свой міровой корабль не по прямой философскаго радикализма, а по кривымъ путямъ необходимости.

Слуги и вожди пролетаріата прежде всего не краснобаи, а практики.

Реализмъ соціализма не переходитъ въ оппортюнизмъ и практичность въ безпринципность не потому, что соціализмъ бросается, какъ бѣшеный быкъ съ опущенными рогами на всякое препятствіе и при всякихъ обстоятельствахъ, а потому, что соціализмъ преслѣдуетъ и неуклонно стремится, принося громадныя жертвы, къ великимъ міровымъ задачамъ: вмѣсто борьбы между народами установить вѣчный миръ и уничтожить эксплуатацію трудящихся со стороны ничего недѣлающихъ.

Но ставя эти задачи и никогда не забывая о нихъ, научный соціализмъ всегда считается съ обстоятельствами.

Принципіально отрицая войну, соціализмъ никогда не ставитъ положеніе: недопустима всякая война и при всякихъ обстоятельствахъ.

Въ основѣ войны лежитъ о р г а н и з о в а н н о е ф и з и ч е с к о е н а с и л і е.

Мы, русскіе, хорошо знакомы съ ученіемъ, которое проповѣдуетъ непротивленіе злу насиліемъ. Это ученіе Льва Толстого.

Но соціалъ-демократы—НЕ толстовцы и научный соціализмъ далекъ отъ толстовщины.

Напротивъ, во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ въ разныхъ странахъ и въ томъ числѣ въ Россіи (1905-1906 годы и настоящая революція) соціалъ-демократы добывали свободу съ оружіемъ въ рукахъ, а вовсе не путемъ одной проповѣди.

Марксъ, Энгельсъ, Каутскій, Бебель, Лассаль и другіе научные авторитеты соціализма и вожди пролетаріата никогда не устраняли физическое насиліе изъ числа средствъ освобожденія народовъ.

Напротивъ, физическое насиліе они считали при извѣстныхъ обстоятельствахъ неизбѣжнымъ.

Это такъ общеизвѣстно, что нѣтъ нужды приводить какія либо цитаты.

Пойдемъ далѣе. Допустимъ на одну минуту, что какая-нибудь изъ губерній или областей Россійскихъ заявила бы, что она не желаетъ разстаться съ монархіей и проситъ послать ей Николая II, и такое заявленіе она сдѣлала бы, во-первыхъ, на основаніи всеобщаго голосованія, и, во-вторыхъ, поддержала бы его силой оружія.

Нужно ли доказывать, что демократія вообще и соціалъ-демократія въ особенности ни одной секунды не усумнилась бы въ необходимости вразумить эту предполагаемую Русскую Вандею силой оружія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соціалъ-демократія п о т р е б о в а л а бы этого, если-бы даже временное правительство само не захотѣло бы прибѣгнуть къ столь энергичнымъ мѣрамъ.

Другими словами соціалъ-демократія не признала бы несовмѣстимымъ съ своимъ идеаломъ истинную гражданскую войну, хотя въ этомъ воображаемомъ случаѣ эта война отнюдь не была бы классовой.

Обратимся теперь къ подлинной исторіи.

Примѣромъ борьбы за старый режимъ, борьбы противъ революціи за старый порядокъ со стороны одной части націи противъ всей націи мы имѣемъ гражданскую войну отсталой Вандеи противъ объятой Великой Революціей Франціи.

Карлъ Каутскій въ своихъ «Противорѣчіяхъ классовыхъ интересовъ» объясняетъ возстаніе Вандеи за старый порядокъ, за короля главнымъ образомъ тѣмъ, что Вандейское дворянство было еще нужно Вандейскому крестьянству, какъ его покровитель, что между классомъ феодаловъ и крестьянъ въ Вандеѣ существовали еще общіе интересы.

Но ни Каутскій, ни одинъ авторитетъ научнаго соціализма нигдѣ и ни однимъ словомъ не протестовалъ и не находилъ неправильнымъ то обстоятельство, что арміи революціонной Франціи путемъ гражданской войны заставили Вандею признать новый порядокъ.

Итакъ несомнѣнно, что соціализмъ признаетъ правомѣрнымъ физическое принужденіе в н у т р и объятой революціей страны и при томъ не только противъ враговъ пролетаріата и народа, т.-е. буржуазіи и дворянства, но и противъ тѣхъ демократическихъ круговъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ, но становятся помѣхой и угрозой революціи.

Вандейскіе крестьяне были не менѣе дороги соціализму и его историкамъ, были не менѣе демократы, чѣмъ чернь парижскихъ предмѣстій (санкюлоты), но тѣмъ не менѣе необходимость спасти свободу узаконяла войну противъ этихъ демократовъ.

Но, можетъ-быть, признавая вооруженную классовую борьбу и гражданскую войну внутри государства, н. соціализмъ отрицаетъ при всѣхъ обстоятельствахъ и всякую войну м е ж д у г о с у д а р с т в а м и?

Оборонительная война.

Въ брошюрѣ «По и Рейнъ» Энгельсъ писалъ: «политическій вопросъ тотчасъ отступаетъ въ этомъ случаѣ предъ военнымъ, если на насъ нападаютъ, мы защищаемся».

Въ 1880 году Бисмаркъ внесъ военный законъ въ германскій рейхстагъ и Бебель, критикуя этотъ законопроектъ «не скрылъ, что и соціалъ-демократія готова защищать р о д н у ю землю противъ чужихъ завоевательныхъ стремленій».

Этотъ взглядъ былъ развитъ въ рядѣ статей въ «Соціалъ-Демократѣ» и былъ раздѣленъ Мостомъ и другими вѣрными членами партіи.

«Соціалъ-Демократъ» писалъ: «будучи международной по своему образу мыслей, германская соціалъ-демократія не безродная, однако, партія: для нея не должно быть безразличнымъ, попадетъ ли Германія подъ чужое владычество, захватятъ ли иноземные завоеватели куски нѣмецкой земли. Пролетаріатъ также нуждается въ національной самостоятельности, чтобы имѣть возможность сильно и энергично вести свою освободительную борьбу».

Повѣствуя объ этомъ, историкъ германской соціалъ-демократіи Мерингъ добавляетъ: «Это было старое воззрѣніе, которое проводили въ 1859 году Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, а въ начальный періодъ германской соціалъ-демократіи — Лассаль и Швейцеръ (Мерингъ т. IV, стр. 189, русское изд.). Намъ думается, что вопросъ о необходимости обороняться отъ нѣмецкаго нашествія безспоренъ, почему нѣтъ надобности ни въ дальнѣйшихъ справкахъ, ни въ комментаріяхъ къ изложеннымъ мнѣніямъ.

Упомяну только, что пролетаріатъ, эти кадры соціалъ-демократіи, въ оборонительной войнѣ обнаруживалъ еще больше патріотизма и упорства, чѣмъ другіе классы общества.

К. Каутскій въ своей брошюрѣ «Положеніе пролетаріата въ республиканской Франціи» повѣствуетъ о слѣдующемъ: «Когда регулярная французская армія во время Франко-Прусской войны была раздавлена нѣмцами, 29 января 1870 года наступило перемиріе. 8-го февраля было созвано учредительное собраніе на основаніи всеобщаго избирательнаго права (оно называлось Національное собраніе).

Выборы дали сильное реакціонное большинство. Изъ 740 человѣкъ 450 были монархистами. Если пролетаріатъ и пролетарскія партіи являлись рѣшительными защитниками республики, но вмѣстѣ съ тѣмъ и продолженія войны, то крестьянство и буржуазія проклинали ее».

Предупредительная война.

По свидѣтельству Меринга, «Лассаль, Марксъ и Энгельсъ были единодушны въ вопросѣ о необходимости войны, «если нѣмецкимъ интересамъ угрожаетъ опасность». (Т. II, стр. 304).

Но опасность для интересовъ всякаго государства возникаетъ не тогда только, когда ему угрожаетъ непосредственное нападенiе сосѣдей.

И во времена Лассаля, Маркса и Энгельса, а тѣмъ болѣе теперь, государства, особенно сосѣднiя, не отгорожены другъ отъ друга китайской стѣной. Напротивъ, между ними существуетъ тѣсная связь. Часто то, что было выгодно Германiи, было далеко невыгодно, а даже вредно для Францiи, Россiи, Польши, Австрiи, и наоборотъ.

Политическiй союзъ, торговый договоръ, иногда измѣненiе самаго строя въ государствѣ и проч. могли и тогда, какъ теперь, нарушить интересы другого государства и, въ томъ числѣ, Германiи.

Опирая необходимость войны на «нарушенiе германскихъ интересовъ», Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, значитъ, допускали и такое положенiе вещей, когда безъ всякаго прямого или косвеннаго вызова со стороны одного изъ сосѣдей Германiя могла усмотрѣть серьезное нарушенiе своихъ интересовъ, угрозу въ будущемъ и парализовать эту угрозу предупредительной войной, которая, опять-таки въ случаѣ удачи Германiи, не могла окончиться иначе, какъ аннексiями и контрибуцiями.

Дѣйствительно, такъ вопросъ и стоялъ.

Дѣло шло о войнѣ Францiи и Италiи противъ Австрiи. Буржуазная пресса находила, что побѣда надъ Австрiей есть угроза и Германiи. Энгельсъ, Марксъ и Лассаль по этому фактическому вопросу были другого мнѣнiя.

Они находили, что война въ Верхней Италiи не грозитъ нѣмецкимъ интересамъ. «Но они отнюдь не были настолько близоруки, чтобы считать переходъ французской армiи черезъ нѣмецкую границу непремѣннымъ предварительнымъ условiемъ для наличности повода къ войнѣ (casus belli). Они видѣли такое основанiе для войны уже въ томъ случаѣ, если Бонапартъ желаетъ сдѣлать въ Италiи завоеванiя для себя или для своей родины» (Мерингъ, т. II, стр. 304).

Въ своей брошюрѣ «По и Рейнъ» Энгельсъ также стоитъ за единство и силу Германiи и только по фактическому вопросу о томъ: угрожаетъ ли интересамъ Германiи война Францiи и Италiи противъ Австрiи расходятся съ «буржуазными писателями».

Марксъ въ Нью-Іоркской «Трибунѣ» находилъ, что бонапартистское стремленіе освободить Италію есть только предлогъ, между прочимъ, «передвинуть естественныя границы Франціи въ Германію».

Такимъ образомъ, забота объ естественныхъ границахъ фактически есть забота о цѣлости нѣмецкой земли.

Но самое признаніе принципа «естественныхъ границъ» можетъ оправдать и наступательную войну, когда данное государство не дошло до своихъ естественныхъ границъ.

Наступательная война.

Германское единство, о которомъ такъ безпокоился К. Марксъ, выковано двумя войнами: Австро-Прусской и Франко-Прусской.

Въ обоихъ случаяхъ Германія подъ предводительствомъ Пруссіи была наступающей стороной.

Однако, Швейцеръ, предсѣдатель германскаго рабочаго союза, въ вопросѣ о войнѣ, которую Пруссія подготовляла съ Австріей, всецѣло стоялъ на сторонѣ Пруссіи и войны, хотя было ясно, что Пруссія ведетъ не революціонную освободительную войну, а войну—чисто захватную, войну, имѣющую цѣлью вырвать у Австріи главенство въ германской Имперіи.

Но это не смущало Швейцера, ибо онъ прекрасно понималъ и то, что пораженіе Австріи создастъ единство и мощь Германіи.

По мнѣнію Швейцера, «рабочій классъ долженъ поддержать Прусское правительство противъ партикуляристскихъ и габсбургско-дуалистическихъ стремленій, въ особенности же это онъ долженъ дѣлать со всѣмъ пыломъ любви къ отечеству въ возможныхъ конфликтахъ съ иностранными правительствами, падкими до вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла». (Мерингъ, т. II, стр. 272).

Отвѣтъ германской соціалъ-демократіи на призывъ русской свергнуть кайзера, какъ мы видимъ, есть ни что иное, какъ проявленіе и въ настоящую войну «пылкой любви къ родинѣ и устраненія своихъ интернаціональныхъ союзниковъ отъ вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла».

Отсюда ясно, что и мнѣніе Швейцера, несмотря на то, что съ нимъ далеко не всѣ были согласны, правильно отражаетъ нѣмецкій духъ, который съ 1866 года не измѣнился и до сегодня.

Революціонная война.

Ново-Рейнская газета, издававшаяся въ 50 годахъ прошлаго столѣтія, подъ руководствомъ Маркса и Энгельса, энергично и постоянно требовала объявленія войны Россіи.

«Лишь война съ Россіей есть война революціонной Германіи, въ ней Германія сможетъ смыть грѣхи прошлаго, въ ней она и сможетъ окрѣпнуть, побѣдить своихъ собственныхъ самодержцевъ, въ ней она, какъ это и подобаетъ народу, сбрасывающему свои цѣпи долгаго покорнаго рабства, купитъ жизнью своихъ сыновъ пропаганду цивилизаціи и освободитъ себя въ предѣлахъ своего государства, освобождая народы внѣ ихъ».

Въ другомъ рядѣ статей Н.-Рейнская газета учитъ, «что война съ Россіей является полнымъ открытымъ и дѣйствительнымъ освобожденіемъ и объединеніемъ Германіи, дѣйствительнымъ и полнымъ разрывомъ съ прошлымъ, единственно возможнымъ путемъ для охраненія нѣмецкой чести и нѣмецкихъ интересовъ».

Общимъ правиломъ всякой наступательной войны, съ какими бы цѣлями она ни была начата, является то обстоятельство, что при своей успѣшности она неминуемо обращается и въ завоевательную войну, и въ источникъ контрибуціи съ побѣжденнаго. И въ данномъ случаѣ, проповѣдуя краснорѣчиво, неустанно и основательно войну съ Россіей Николая I-го, Марксъ и Энгельсъ, при своемъ огромномъ умѣ и знаніи обстоятельствъ и аппетитовъ Пруссіи, не могли сомнѣваться въ томъ, что побѣдоносная прусская армія во главѣ со своимъ особливо хищнымъ правительствомъ и юнкерствомъ, не ограничится побѣдой «революціи» и «освобожденіемъ отъ русскаго гнета народовъ», а непремѣнно въ награду и за революцію и за освобожденіе возьметъ себѣ и хорошій кусокъ земли и возложитъ на побѣжденную Россію издержки войны съ порядочнымъ излишкомъ, который пойдетъ не на революціонныя

стремленія германской соціалъ-демократіи, а на усиленіе русской арміи.

Такимъ образомъ, проповѣдуя войну съ Россіей, Марксъ и Энгельсъ, если не проповѣдывали и не желали одновременно и аннексіи и контрибуціи, то вполнѣ съ ними мирились.

Нужно понять точку зрѣнія Маркса и Энгельса до конца и во всей обстановкѣ того времени.

Прежде всего, еще разъ мы обращаемъ вниманіе на то, что война противъ Россіи проповѣдывалась не въ одной статьѣ, а въ цѣломъ ихъ рядѣ.

Война провозглашалась необходимой принципіально, а не вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ угрожающихъ Германіи актовъ со стороны Россіи. Напротивъ, со временъ освобожденія Россіей Пруссіи и Германіи отъ Наполеона между правительствами обѣихъ странъ царили «миръ и любовь». Россія не только ничѣмъ не угрожала интересамъ Германіи, но правящими кругами считалась желательнымъ союзникомъ и вѣрнымъ другомъ, какъ съ общей точки зрѣнія въ качествѣ европейскаго жандарма, такъ и въ качествѣ товарища по польскимъ дѣламъ: одной Пруссіи было не подъ силу проглотить Польшу, особенно пережевать, и потому она считала для себя весьма цѣннымъ содѣйствіе Россіи и въ поглощеніи, и въ перевариваніи поляковъ. Такимъ образомъ, ни правительство Германіи или Пруссіи, ни даже широкіе круги германскаго народа не были настроены враждебно къ Россіи и не имѣли въ то время никакихъ основаній бояться ея нападенія. Требованіе войны исходило исключительно изъ устъ германскаго пролетаріата или, точнѣе, его учителей и вождей Маркса и Энгельса.

Такимъ образомъ, мы сдѣлаемъ изъ вышеуказанныхъ требованій войны съ Россіей со стороны Маркса и Энгельса безусловно правильный выводъ, если выставимъ такое положеніе: будучи принципіально врагами всякой войны, кромѣ оборонительной, Марксъ и Энгельсъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сами требовали наступательной войны и мирились съ аннексіями и контрибуціями.

Аннексія.

Но страницы той же Ново-Рейнской газеты свидѣтельствуютъ о большемъ, а именно, о томъ, что Марксъ и Энгельсъ т р е б о в а л и а н н е к с і и, а не только мирились съ

ней. Правда, это было по другому поводу и по отношенію къ другой странѣ, но отъ этого аннексія не перестаетъ быть завоеваніемъ чужой земли, а принципъ отказа отъ завоеваній не дѣлается ненарушимымъ при всякихъ обстоятельствахъ, какъ это утверждаютъ нынѣ, будто бы стоя на почвѣ научнаго соціализма...

Въ брошюрѣ объ итальянской войнѣ и задачѣ Пруссіи Лассаль въ полномъ согласіи съ Энгельсомъ и Марксомъ выставилъ такое положеніе:

Неизбѣжное соединеніе Савойи съ Франціей не можетъ вызвать больше никакихъ возраженій, если Германія получитъ компенсаціи, уравновѣшивающія это территоріальное увеличеніе Франціи.

Правильный путь поведенія Германіи при наличности итальянской войны Лассаль опредѣляетъ такъ:

«Единственнымъ достойнымъ и великимъ поведеніемъ, отвѣчающимъ одинаково интересамъ нѣмецкой націи и Пруссіи, было бы слѣдующее заявленіе Пруссіи: Наполеонъ исправляетъ на югѣ европейскую карту согласно принципамъ національностей,—хорошо, мы сдѣлаемъ то же на сѣверѣ. Наполеонъ освобождаетъ Италію,—хорошо, мы беремъ тогда Шлезвигъ-Голштинію. И, сдѣлавъ такое заявленіе, отправить войска противъ Даніи. Въ этой войнѣ демократія можетъ и будетъ сама нести знамя Пруссіи».

Въ другомъ мѣстѣ Н.-Рейнская газета писала: «Право Германіи противъ Даніи есть право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя. Если бы трактаты даже говорили въ пользу Даніи, что очень сомнительно, то это право все-таки имѣло бы больше силы, чѣмъ всѣ договоры, ибо оно есть право историческаго развитія».

Надлежитъ имѣть въ виду, что Савойя была область чисто французская. Но суть вопроса въ томъ, что компенсація есть прежде всего территоріальный захватъ, а, во вторыхъ, отказъ въ компенсаціи долженъ всегда вызывать войну или противъ того, чьи территоріальныя пріобрѣтенія хотятъ компенсировать своими пріобрѣтеніями или же противъ третьяго лица того государства, у котораго хотятъ отнять территорію за то, что другое государство отняло у четвертаго лица территорію.

Компенсація есть, быть-можетъ, наиболѣе несправедливый захватъ чужой территоріи, если судить и съ точки зрѣнія индивидуальной нравственности, и тѣхъ круговъ, которые вообще стоятъ противъ всякихъ аннексій.

Аннексія у побѣжденнаго есть, по крайней мѣрѣ, способъ вознагражденія побѣдителя за пролитую кровь и понесенные убытки. Съ другой стороны, она дѣлается у того, кто самъ при побѣдѣ захватилъ бы территорію своего врага. Аннексія же для компенсаціи дѣлаетъ отвѣтственнымъ государство, которое ни въ чемъ неповинно.

Компенсація есть наихудшій видъ территоріальнаго захвата, и кто признаетъ необходимость аннексій во имя компенсаціи, тотъ уже, разумѣется, признаетъ захватъ территоріи у своего побѣжденнаго врага.

Интересно отмѣтить, что и Лассаль, и Марксъ, и Энгельсъ имѣли въ виду уравновѣсить пріобрѣтенія Франціи захватомъ территоріи у Даніи.

Данія это—маленькое государство на полуостровѣ Ютландіи и нѣсколькихъ островахъ.

Въ 1863 году Данія имѣла немного болѣе двухъ милліоновъ населенія, т.-е. была меньше современной Москвы и уже, разумѣется, ничѣмъ не могла угрожать ни Пруссіи, ни Германіи.

Придравшись къ Даніи по такъ-называемому Голштинскому вопросу (вопросъ о сліяніи съ Даніей приэльбскихъ провинцій, что также не дѣлало бы изъ Даніи даже средняго государства, увеличивая ея населеніе всего тыс. на 500 человѣкъ) германскія войска разгромили 52 тыс. датскую армію, и въ результатѣ войны Данія лишилась въ пользу Пруссіи Шлезвига, Голштиніи и Лауенбурга.

Ново-Рейнская газета, т.-е. Марксъ и Энгельсъ, по поводу Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса писала: «Война Германіи противъ Даніи есть настоящая революціонная война, и для Германіи будетъ весьма печально, если ея первая революціонная война окажется самой комичной войной, какая когда-либо велась».

Итакъ, создатели научнаго соціализма Марксъ и Энгельсъ и самый талантливый агитаторъ Германской Рабочей партіи Лассаль признавали войну во всѣхъ ея видахъ, какъ равно и

территоріальныя пріобрѣтенія, какъ слѣдствіе побѣдоносной войны, и даже просто, какъ вознагражденіе за чужую побѣду и территоріальный захватъ на счетъ какого-либо сосѣда, ни въ какой войнѣ не участвующаго и ничѣмъ Германіи не угрожающаго.

Не отвлеченныя понятія о чисто личной справедливости, а государственныя соображенія руководили этими выдающимися мыслителями при обсужденіи важнѣйшаго для народовъ вопроса о войнѣ и мирѣ.

Германскіе интересы и при томъ интересы всего германскаго народа, а не отдѣльнаго его класса, были путеводной нитью во всѣхъ ихъ разсужденіяхъ объ иностранной политикѣ.

---

4. Патріотизмъ.

На знамени соціалъ-демократіи написано—«пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь». Соціалъ-демократія сама называетъ себя международной партіей и интернаціоналъ—есть дѣтище ея учителей Маркса и Энгельса.

Плехановъ, старый и признанный вождь соціалъ-демократической русской партіи, долженъ былъ въ своей первой рѣчи защищать свой патріотизмъ, хотя наличность войны и еще большая наличность германской опасности должна была бы оправдать патріотическія чувства.

Ясно, что не только широкая публика, но даже довольно освѣдомленные представители русской соціалъ-демократіи думаютъ, что здоровый патріотизмъ и научный соціализмъ совершенно несовмѣстимы.

Выходитъ, что Плеханову—старому борцу за свободу и соціализмъ и самому ученому представителю Русской соціалъ-демократіи его патріотизмъ можно только простить ради его великихъ заслугъ, но отнюдь нельзя считать патріотизмъ въ представителѣ научнаго соціализма нормальнымъ явленіемъ и не стоящимъ въ непримиримой враждѣ съ догмой и даже духомъ соціализма.

Однако, это убѣжденіе совершенно неправильно.

Однако, къ числу патріотовъ слѣдуетъ отнести самого основателя научнаго соціализма, какъ теоріи и вождя проле

таріата въ его практической борьбѣ за соціализмъ—с а м о г о Карла Маркса.

Карлъ Марксъ былъ великій и страстный нѣмецкій патріотъ.

Должно знать, что Марксъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ сотрудникомъ газеты «Нью-Іоркская Трибуна».

И вотъ главный редакторъ этой газеты Чарльзъ А. Дана въ письмѣ къ Марксу отъ 8 марта 1860 года пишетъ:

«Вслѣдствіе просьбы Вашей съ удовольствіемъ констатирую ваши отношенія къ различнымъ появляющимся въ Соединенныхъ Штатахъ изданіямъ, къ которымъ я лично имѣю прикосновенность»...

Почти девять лѣтъ тому назадъ я пригласилъ Васъ писать для газеты. Вы писали намъ регулярно безъ перерывовъ, хотя бы на одну недѣлю, насколько я могу припомнить. И вы не только одинъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ, но и наиболѣе оплачиваемыхъ сотрудниковъ этой газеты. Я могъ бы возразить лишь одно противъ вашихъ работъ, именно, что вы иногда слишкомъ сильно для американской газеты выдвигаете нѣмецкую точку зрѣнія. Такъ было какъ по отношенію къ Россіи, такъ и Франціи. Мнѣ иногда казалось, что въ вопросахъ, касающихся царизма и бонапартизма, вы обнаруживаете слишкомъ много интереса и озабоченности относительно единства и независимости Германіи.

Пожалуй, еще болѣе, чѣмъ вообще, бросается это въ глаза по поводу послѣдней итальянской войны. Въ симпатіи къ итальянскому народу я вполнѣ согласенъ съ вами. Я также не довѣряю честности французскаго императора, какъ и вы, не вѣрю, чтобы отъ него изошла итальянская свобода; но я не думаю, чтобы у Германіи были такія причины къ тревогѣ, какъ представляется вамъ вмѣстѣ съ другими нѣмецкими патріотами».

Прежде чѣмъ комментировать показанія Дана, мы обратимъ вниманіе на самого свидѣтеля.

Дана—главный редакторъ газеты, которая, по удостовѣренію К. Каутскаго, являлась передовымъ бойцомъ противъ рабства негровъ, и была одной изъ самыхъ видныхъ газетъ Америки.

Кромѣ того, Дана принималъ видное участіе и въ цѣломъ рядѣ большихъ и вліятельныхъ журналовъ и другихъ изданій.

Такимъ образомъ Дана свидѣтель весьма компетентный.

Тотъ же Каутскій, приводя письмо, съ одной стороны, не дѣлаетъ противъ содержанія его никакихъ возраженій, а съ другой—въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывается и о самомъ Дана.

Отсюда—это свидѣтель и вполнѣ достовѣрный.

Итакъ, Марксъ, котораго изгнали изъ Германіи,— нѣмецкій патріотъ. Марксъ, создатель международной рабочей партіи, слишкомъ озабоченъ единствомъ и независимостью Германіи и слишкомъ выдвигаетъ нѣмецкую точку зрѣнія.

Отмѣтьте, что это наблюдается не въ одной-двухъ статьяхъ, а въ теченіе девяти лѣтъ, т.-е. является не минутнымъ настроеніемъ, а твердымъ и горячимъ убѣжденіемъ.

Но по русской пословицѣ «не по хорошому милъ, а по милу хорошъ».

Любовь никогда не бываетъ справедлива, любовь всегда ставитъ свой «предметъ» выше и лучше другихъ, хотя бы это и не соотвѣтствовало дѣйствительности. А когда любимый находится въ опасности, то любовь желаетъ любимому спасенія и побѣды, а не врагу любимаго.

Все, что угрожаетъ любимому, любовь старается уничтожить и побѣдить. Любовь не задается вопросами, когда предметъ любви борется съ кѣмъ-либо или съ чѣмъ-либо, кто правъ, кто виноватъ, а слѣпо требуетъ побѣды для любимаго, право оно или виновато.

Несмотря на свой интернаціонализмъ, Марксъ и въ эту войну выдвинулъ бы нѣмецкую точку зрѣнія, т.-е. будь онъ живъ, сталъ бы на сторону германской побѣды, какъ германскій патріотъ.

Германская соціалъ-демократія, обнаруживъ свой нѣмецкій патріотизмъ, ничуть не заставила кости своего вождя, теоретика и духовнаго отца, перевернуться въ гробу.

Русской соціалъ-демократіи необходимо, стоя на русской почвѣ, слѣдовать этому примѣру.

---

5. Характеръ войнъ, признаваемыхъ научнымъ соціализмомъ.

Соберемъ воедино все то, что говорили отцы научнаго соціализма о войнѣ. Принципіально соціализмъ былъ всегда за братство народовъ и особенно братство интернаціональнаго пролетаріата, и эту высокую идею и цѣль пролетарскаго движенія онъ никогда не упускалъ изъ виду.

Признаніе войны всегда носило характеръ вынужденнаго обстоятельствами. Война есть печальное исключеніе изъ общаго принципа, она допустима при наличности извѣстныхъ только роковыхъ и неустранимыхъ обстоятельствъ:

1. Оборонительную войну н. соціализмъ признаетъ правомѣрной при всякихъ обстоятельствахъ.

«И божескія, и человѣческія права дозволяютъ отражать силой насиліе».

2. Предупредительная война допустима: а) когда усиленіе сосѣдняго государства угрожаетъ безопасности собственной страны, б) когда мощь сосѣдняго государства угрожаетъ давленіемъ на внутренній порядокъ собственной страны въ сторону усиленія въ ней деспотизма. Предупредительная война допускаетъ и захватъ чужой территоріи, а равнымъ образомъ территоріальныя компенсаціи на счетъ третьей страны, чтобы уравновѣсить этимъ увеличеніе силы того государства, которое угрожаетъ собственному. (Аннексія, какъ компенсація).

3. Наступательная война допустима: а) когда она преслѣдуетъ революціонныя цѣли, т.-е. когда противникомъ является отсталое въ политическомъ отношеніи государство, которое является источникомъ Европейской или міровой реакціи (Міровымъ или Европейскимъ жандармомъ), б) когда наступательная война является необходимой для утвержденія революціонныхъ пріобрѣтеній въ собственной странѣ, в) когда наступательная война ведетъ вообще къ побѣдѣ прогресса надъ застоемъ и цивилизаціи надъ варварствомъ.

Какъ результатъ наступательной войны, особенно въ послѣднемъ случаѣ, вполнѣ законны и территоріальныя пріобрѣтенія на счетъ отсталыхъ странъ.

Ознакомившись со взглядами на войну духовныхъ вождей научнаго соціализма, постараемся разобраться

въ вопросахъ, выдвигаемыхъ настоящей войной, и освѣтить ихъ съ точки зрѣнія соціалистическаго ученія. Еще и еще повторяемъ, что научный соціализмъ—не катехизисъ Филарета для православныхъ и не шпаргалка Кизеветтера для кадетъ. Марксизмъ есть научное и реалистическое міропониманіе и болѣе, чѣмъ какая-либо научная теорія, склоняется предъ дѣйствительностью.

Основные принципы пролетарской политики марксизмъ учитъ проводить сообразно реальному положенію вещей и обозначившимся тенденціямъ развитія даннаго народа и общества.

Говоря словами Меринга, «марксистовъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ Марксъ не признавалъ себя марксистомъ, среди партіи нѣтъ и не можетъ быть. Клятва словами учителя есть лишь печальный удѣлъ всякой школы, претендующей на значеніе конечной истины. Какой-либо истины этого рода марксизмъ не знаетъ. Онъ не представляетъ изъ себя научной догмы, а лишь научный методъ». (Мерингъ, т. IV, стр. 376).

Марксизмъ выросъ изъ самихъ вещей, изъ историческаго развитія и подвергается превращеніямъ вмѣстѣ съ ними. (Тамъ же).

Обратимся къ вещамъ, къ сложившемуся положенію.

---

6. Міровая война съ точки зрѣнія международнаго положенія.

Не будемъ затрагивать вопроса о томъ, кто виновникъ войны?

Вопросъ этотъ празденъ, прежде всего потому, что война, которая охватила всѣ міровыя державы и отразилась на всемъ мірѣ, которая призвала подъ ружье десятки милліоновъ людей и заставила работать на себя промышленность всего міра, результаты которой предопредѣлятъ собой міровую исторію на многіе годы, если не на цѣлый рядъ поколѣній, война является такимъ событіемъ колоссальной міровой важности, что самый фактъ въ своемъ ужасающемъ величіи совершенно дѣлаетъ безразличнымъ вопросъ о виновникахъ войны.

Во-вторыхъ, для совершенно объективнаго сужденія въ настоящее время мало данныхъ. Есть совершенно правильная пословица: никогда такъ не лгутъ, какъ предъ выборами, во время войны и послѣ охоты.

И откуда взять достовѣрныхъ свидѣтелей или документы, когда весь міръ и воюющій, и нейтральный въ сущности раздѣлился на два лагеря? Пройдутъ года, улягутся страсти, обнаружатся тайныя пружины, и исторія, «какъ дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва», изречетъ свой приговоръ надъ безумцами, зажегшими міровой пожаръ.

Но, можетъ-быть, и сама исторія не найдетъ виновныхъ...

Быть-можетъ, она скажетъ, что источникъ войны лежитъ въ области неустранимыхъ конфликтовъ, въ области насущныхъ и противорѣчащихъ другъ другу интересовъ, что виновныхъ не оказалось, а оказались лишь побѣдители и побѣжденные...

Въ третьихъ, если бы и нашелся великій мыслитель, освѣдомленный во всѣхъ тайныхъ и явныхъ пружинахъ войны, изрекъ бы сейчасъ свой приговоръ, то нѣтъ безпристрастныхъ судей, а весь міръ представляетъ изъ себя однихъ тяжущихся.

По этимъ и многимъ другимъ основаніямъ мы ограничимся установленіемъ только безспорныхъ фактовъ и положеній.

Такимъ безспорнымъ фактомъ является прежде всего то обстоятельство, что непосредственно конфликтъ возникъ съ Сербіей. На защиту ея стала Россія, а на защиту Россіи противъ Германіи и ея союзника-вассала Австріи стала Франція. За симъ разгромъ Бельгіи и пренебреженіе къ международнымъ договорамъ заставилъ выступить и Англію. Потомъ присоединились другія страны.

Для насъ русскихъ важно то обстоятельство, что нашъ союзникъ — свободолюбивая и республиканская Франція — связала свою судьбу съ нашей, оставаясь вѣрной своему обѣщанію, и чуть не погибла подъ напоромъ нѣмцевъ.

За симъ для насъ важно еще и то обстоятельство, что союзники условились не заключать сепаратнаго мира.

Не слѣдуетъ забывать, что Англія и Франція есть наиболѣе демократическія страны міра, что Италія также не управляется прихотью самодержца или вожделѣніями однихъ высшихъ классовъ, а страна истинно конституціонная.

Надлежитъ помнить, что разрушенная, порабощенная и оскорбленная Бельгія также принадлежитъ къ числу передовыхъ и демократическихъ странъ. Надлежитъ помнить, что разрушенная Сербія, испытавшая всѣ ужасы, какіе испытывали народы отъ нашествій Атиллы и Тамерлана, рѣшилась поднять свою пращу Давида противъ австрійскаго Голіафа, только вѣря обѣщаніямъ Россіи.

Доблестная Черногорія также пала жертвой этой вѣры.

Наконецъ, Румынія разорена, порабощена и унижена опять-таки потому, что связала свою судьбу съ союзниками.

Такимъ образомъ, заключеніе Россіей отдѣльнаго мира съ центральными державами недопустимо по нѣсколькимъ весьма основательнымъ причинамъ. Прежде всего такой актъ обнаружилъ бы со стороны Россіи полное презрѣніе къ международнымъ договорамъ и соглашеніямъ.

Міръ вновь увидѣлъ бы еще болѣе позорно разорваннымъ «клочекъ бумаги». Германія, разорвавъ подобный клочекъ, гарантирующій неприкосновенность Бельгіи, можетъ еще ссылаться на необходимость, а равно на то, что Бельгія была враждебно настроена по отношенію къ ней.

Но мы-то, разрывая клочекъ бумаги, совершили бы п р е д а т е л ь с т в о своихъ друзей и предательство, грозящее имъ, можетъ-быть, гибелью и во всякомъ случаѣ многими страданіями.

Правда, какъ на это указываютъ «марксисты», клочекъ былъ подписанъ отъ имени Россіи свергнутымъ деспотическимъ правительствомъ, но это не можетъ служить основаніемъ ни къ позорному предательству, ни нарушенію принципа святости международныхъ договоровъ вообще.

Прежде всего эта деспотическая подпись была контрассигнована всѣмъ русскимъ народомъ, ибо въ памятные іюльскіе и августовскіе дни 1914 года в с ѣ партіи слились въ признаніи правильности и даже святости договора.

Во-вторыхъ, нашими контрагентами являются не деспотическія правительства, а наиболѣе передовые и демократическіе

народы, какъ Америка, Англія, Франція и Италія съ одной стороны и истерзанные, измученные, разграбленные и порабощенные за вѣру въ наше слово, какъ Бельгія, Черногорія, Румынія,—съ другой.

Въ третьихъ, правительства уходятъ, но народы остаются.

Если бы при каждой смѣнѣ правленія и порядка въ странѣ союзники ея должны были безпокоиться о силѣ заключенныхъ соглашеній, то такая страна на долгое время потеряла бы всякое довѣріе къ себѣ.

Каждый народъ, въ концѣ концовъ, достоинъ своего правительства.

Наши союзники не виноваты, что конецъ февраля и начало марта 1917 года не наступили еще въ 1905 году, т.-е. что русскій народъ еще терпѣлъ свое правительство. Пока онъ его терпѣлъ, это правительство было законнымъ и соглашенія его обязательны для всякаго новаго правительства, хотя бы оно явилось слѣдствіемъ революціи.

Такимъ образомъ, продолженіе войны въ зависимости отъ договоровъ съ союзниками, и заключеніе мира по соглашенію съ ними является для русской демократіи прежде всего вопросомъ чести.

И мы видѣли, что отцы матеріалистическаго пониманія исторіи считали вопросы чести далеко не безразличными для послѣдователей научнаго соціализма.

И неужели нужны какія-либо доказательства, чтобы признать, что русскій народъ, начинающій свою новую исторію съ измѣны и предательства, запятналъ бы свою честь и опозорилъ революцію?

Самое обращеніе къ германскому пролетаріату безъ предварительнаго соглашенія съ демократіями Англіи, Франціи и Италіи нельзя не признать неправильнымъ. Допустимъ, что германскіе соціалисты согласились бы съ точкой зрѣнія русскихъ, но въ то же время демократія нашихъ союзниковъ отвергла бы лозунгъ «долой войну».

Тогда что же дѣлать?

Съ кѣмъ идти?

Оставаться вѣрнымъ союзу и демократіи союзныхъ странъ, значитъ обращать свой призывъ къ демократіи враждебныхъ странъ въ пустой звукъ, въ разбитую надежду и неисполненное

обѣщаніе, т.-е. не ослаблять взаимнаго раздраженія, а усиливать его.

Заключить сепаратный миръ, т-е. измѣнить союзнымъ демократіямъ, это означаетъ разрывъ съ ними на долгое время.

То и другое положеніе поражаетъ международныя стремленія соціалъ-демократіи.

Съ другой стороны и практически намъ думается, что мирныя предложенія со стороны одного русскаго пролетаріата безъ предварительнаго соглашенія съ демократіями союзниковъ должны породить уже нѣкоторое и, быть можетъ, сильное недовольство такимъ сепаратнымъ образомъ дѣйствій, т.-е. способствовать не единенію международнаго пролетаріата, а разъединенію.

Наконецъ, такой, казалось бы, прямой путь фактически является окольнымъ, отдаляющимъ, а вовсе не приближающимъ прекращеніе войны.

Но еще большую опасность именно для международныхъ цѣлей демократіи представляетъ изъ себя стремленіе, хотя бы въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и цѣляхъ, игнорировать значеніе международныхъ договоровъ. Международный пролетаріатъ есть сила, которая можетъ бороться съ войной. Но всякой силѣ, въ концѣ концовъ, должно соотвѣтствовать и право.

Международной силѣ соотвѣтствуетъ и международное право.

А это право всецѣло зиждется на соблюденіи международныхъ соглашеній. Было бы очень не логично и вредно для международнаго объединенія пролетаріата, если бы его русская фракція свое выступленіе на политическую арену возвѣстила пренебреженіемъ къ международнымъ договорамъ и обязательствамъ.

Борьба противъ международныхъ договоровъ для международнаго пролетаріата равносильна борьбѣ противъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и демократической республики внутри страны. Вѣдь, всякая рѣшительно война между культурными націями не можетъ обойтись безъ нарушенія международнаго права и безъ отказа перенести свой споръ на рѣшеніе международнаго трибунала.

Международная рабочая партія обязана всѣми силами поддерживать значеніе международныхъ соглашеній и силу международныхъ трибуналовъ. Это есть основной принципъ всякаго международнаго движенія и измѣна ему недопустима ни при какихъ обстоятельствахъ.

---

7. Сепаратный миръ Россіи съ Германіей и Японія.

Въ числѣ державъ, заключившихъ соглашеніе о заключеніи мира съ центральными державами по общему согласію, находится и нашъ дальневосточный сосѣдъ—Японія.

Нѣтъ никакой тайны ни для насъ самихъ, ни для японскаго правительства, что, сосредоточивши всѣ свои силы и средства на боевомъ фронтѣ, мы были бы совершенно беззащитны, если бы добрыя отношенія съ Японіей были нарушены настолько, что это повело бы къ вооруженному столкновенію. Защищать свой Дальній Востокъ отъ вооруженнаго нападенія Японіи мы не можемъ. П о к а мы не вышли изъ состава воюющихъ съ центральными имперіями державъ, насъ защищаетъ прежде всего наше соглашеніе со страной Восходящаго Солнца, которая не смотритъ на договоры, какъ на «клочки бумаги». Реальной защитой нашего дальневосточнаго тыла служатъ силы нашихъ союзниковъ, которые не допустятъ причиненія намъ какого-либо малѣйшаго затрудненія, п о к а мы сами остаемся вѣрными договору и братству на поляхъ сраженій.

Но представимъ себѣ на минуту, что по тѣмъ или инымъ мотивамъ мы измѣнили бы общему дѣлу, т.-е. заключили бы сепаратный миръ.

Наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ мѣняется какъ бы по волшебству и мѣняется въ такую дурную сторону, что прошли бы многія десятилѣтія прежде, чѣмъ русскій народъ пересталъ бы п р о к л и н а т ь виновниковъ этого измѣненія.

Нарушивъ договоръ, подписанный не только чернилами дипломатіи, но кровью на поляхъ сраженій, мы сами оказались бы не въ правѣ ссылаться на соглашенія съ какой-бы то ни было страной въ мірѣ, въ томъ числѣ съ Японіей. Отвергнувъ нормы международнаго права, мы оказались бы сами б е з п р а в н ы м и и отношенія права смѣнились бы отношеніями голой силы.

Итакъ безправными и безсильными нарушителями права мы стояли бы предъ страной воинственныхъ самураевъ.

Не только Дальній Востокъ, но вся Сибирь, по крайней мѣрѣ до Иркутска, могла бы въ очень короткій срокъ отойти и, можетъ быть, навсегда отъ Россіи.

Японія могла бы сдѣлать съ нами все, что она захотѣла бы, и Русское Державное Государство оказалось бы всецѣло въ зависимости отъ чужой милости или кары.

И цѣлый рядъ основаній говоритъ за то, что сепаратный миръ навлекъ бы на насъ эту кару.

Еще въ недалекія времена стараго режима въ довольно освѣдомленныхъ кругахъ говорили о томъ, что между Японіей и Англіей существуетъ соглашеніе, по которому Японія должна была «въ случаѣ чего» самымъ суровымъ образомъ напомнить Россіи ея обязанности по отношенію къ державамъ согласія.

Въ «гласѣ народномъ» весьма много правдоподобнаго, и въ то же время нѣтъ ничего зазорнаго для Англіи.

Прежде всего такое страхованіе вѣрности согласію со стороны Русскаго правительства вполнѣ гармонируетъ со всѣми признаннымъ искусствомъ и осторожностью Англіи въ ея внѣшнихъ дѣлахъ. Съ другой стороны Англія имѣла полное право страхованія. Для Англіи давно было ясно, что въ груди русскаго правительства по отношенію къ нѣмцамъ живутъ двѣ души:

Одна душа—не могла допустить, чтобы русскій самодержецъ оказался ленникомъ Вильгельма. Другая—стремилась къ Вильгельму, какъ родственному духу, какъ оплоту противъ демократическихъ стремленій времени и въ частности защитнику довольно не прочнаго со временъ японской войны трона. Сила нѣмецкаго вліянія въ правящихъ кругахъ и въ лицѣ бывшей царицы въ самомъ дворцѣ была прекрасно извѣстна Англіи.

Но если бы даже между двумя островными Имперіями и не было формальнаго соглашенія о репрессіяхъ по отношенію къ Россіи въ случаѣ измѣны ея державамъ согласія, то суть дѣла отъ этого едва ли сколько-нибудь мѣняется.

Японія только-что (для народа это недавно) одержала свою блестящую побѣду надъ Россіей. Извѣстно, что въ странѣ, только-что побѣдившей, правительство всегда сильно. Помимо этого

вся исторія Японіи и ея воинственный національный характеръ сводитъ вліяніе пасифистскихъ круговъ къ нулю или почти къ нулю.

Японская международная соціалъ-демократія еще весьма слаба и маловліятельна. Да съ ней русская соціалъ-демократія и не договорилась.

Внѣшняя политика Японіи отличается тѣмъ же реализмомъ и принципомъ національнаго эгоизма, какъ и политика Англіи, слуги его величества микадо Японіи не краснобаи, не сентиментальны, а практики и реалисты до мозга костей.

Если до сихъ поръ страны старой культуры, гдѣ демократія играетъ огромную роль, еще ни разу въ своей исторіи не обнаруживали пренебреженія къ тому, что можно легко взять у сосѣда, то трудно ждать отъ Японіи, чтобы она упустила единственный и рѣдко повторяющійся въ исторіи моментъ — безъ всякой почти борьбы колоссально увеличить свою территорію и могущество насчетъ сосѣда, всѣми оставленнаго и презираемаго за измѣну. Военные и шовинистическіе круги еще сильны въ самыхъ демократическихъ государствахъ, а въ побѣдоносной и «молодой» по культурѣ Японіи имъ рѣшительно ничего не стоитъ заставить правительство и убѣдить народъ въ необходимости использовать великолѣпный случай захватить Восточную Сибирь.

Все сказанное по отношенію къ Японіи относится и къ китайской республикѣ, ибо въ данный моментъ и предъ ней мы слабы.

Еще болѣе вѣроятна возможность, что оба сосѣда воспользуются благопріятнымъ моментомъ...

Сепаратный миръ и безопасность Россіи.

Допустимъ, что непосредственныхъ ужасовъ сепаратный миръ Россіи не принесетъ. Но мудрость политики зависитъ отъ правильности ея предвидѣнія.

Заключивъ сепаратный миръ, быть-можетъ, и выгодный для Россіи, центральныя Имперіи бросятъ всѣ свои силы на западъ.

Судя по всему прошлому, онѣ раздавятъ сопротивленіе англичанъ и французовъ. Непосредственнымъ результатомъ

этого будетъ полное торжество Германіи въ Европѣ и во всемъ мірѣ.

Не только Бельгія и Люксембургъ, но и Сѣверная Франція подъ тѣмъ или инымъ соусомъ будутъ съѣдены Германіей.

Существованіе Даніи и Голландіи будетъ призрачнымъ: эти маленькія государства на-долго войдутъ въ побѣдоносную орбиту нѣмцевъ.

Австро-венгерская Имперія будетъ онѣмѣчена.

Турція станетъ явнымъ или прикрытымъ вуалью самостоятельности вассаломъ Германіи. Короче говоря, образуется та могущественная Имперія отъ Берлина до Багдада, о которой мечтаютъ нѣмцы.

Тогда и очень скоро придетъ и нашъ смертный часъ.

Вы скажете: насъ гарантируетъ договоръ съ Германіей.

Но намъ, нарушившимъ договоры съ союзниками, трудно будетъ апеллировать къ договорамъ.

Кромѣ того, Германія, которая сама признала «въ случаѣ необходимости» договоры «кусками бумаги», внѣ всякаго сомнѣнія и нашъ мирный договоръ стала бы блюсти только въ случаѣ нашей рабской покорности нѣмцамъ. Въ противномъ случаѣ она разорвала бы его, какъ ничтожный «клочекъ бумаги».

Россія вновь бы попала подъ новое владычество татаръ. И какая Россія? Обрѣзанная въ Сибири до Иркутска Японіей и Китаемъ, безъ Польши, безъ Кавказа,—короче Россія временъ Ивана Калиты, Великая Россійская Республика въ размѣрѣ бывшаго княжества московскаго...

Но уцѣлѣетъ ли сама свобода? Допустятъ ли побѣдоносный Гогенцоллернъ и жалкій въ борьбѣ, но надменный въ побѣдѣ, Габсбургъ существованіе какой-то республики или даже просто свободнаго государства.

Что касается царей и господствующихъ классовъ въ Германіи, то развѣ сумасшедшіе обвинятъ ихъ въ любви къ свободѣ.

Нормальные люди также усомнятся въ томъ, чтобы послѣ побѣды германская демократія и ея вождь—соціалъ-демократія могли сдѣлать революцію въ Германіи, если они не могутъ сдѣлать ее во время войны и до войны.

Возможно, что для самой Германіи наступятъ болѣе сво-

бодныя времена. Тогда нація, упоенная побѣдой, обогащенная землями и контрибуціями, менѣе всего будетъ способна крушить троны своихъ побѣдоносныхъ цезарей.

Сепаратный миръ и гибель Россіи и русской свободы — это одно и то же.

---

8. Революціонный характеръ настоящей войны

Война съ нѣмцами носитъ съ первыхъ своихъ дней и часовъ революціонный характеръ.

Доказывать это было бы слишкомъ долго и не входитъ въ планъ автора.

Но вотъ что несомнѣнно: въ мартѣ 1917 года война стала до очевидности революціонной.

Война стала явно революціонной съ того момента, какъ одна изъ величайшихъ державъ міра—Россія въ теченіе одной недѣли сдѣлала гигантскій прыжокъ—изъ царства рабства въ свѣтлый міръ свободы.

Кто нынѣ борется?

Англія—республика съ королемъ во главѣ, Французская республика, Американская республика и Русская республика борются противъ монархіи Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ.

Ясно, что, при побѣдѣ державъ согласія, побѣдитъ демократическій, республиканскій принципъ, при пораженіи—монархическій.

При войнѣ вничью нравственная побѣда останется за монархическимъ принципомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, союзники богаче своихъ враговъ, техника ихъ въ данное время не ниже нѣмецкой, живой силы у нихъ больше.

Война вничью наглядно докажетъ, что желѣзный обручъ монархіи крѣпче связываетъ народы и даетъ имъ большія силы, чѣмъ энтузіазмъ свободы. И наибольшій моральный ущербъ падаетъ на нашу долю.

Факты, а не слова докажутъ, что свобода не сдѣлала насъ сильнѣе, что ея живительные лучи не пробудили русскій геній, не влили въ сердца мужество.

Факты сильнѣе словъ и теорій.

Война есть экзаменъ народовъ, ихъ силы, ихъ сплоченности, ихъ нервовъ, выражаясь крылатымъ изреченіемъ Гинденбурга.

При войнѣ вничью факты докажутъ, что мы срѣзались на экзаменѣ.

Если въ настоящее время, когда павшій режимъ оказался настолько гнилымъ, что свалился отъ перваго толчка, мы замѣчаемъ, что есть какія-то силы, зовущія насъ назадъ, къ реставраціи, то наше обнаружившееся безсиліе будетъ наилучшимъ аргументомъ въ глазахъ сторонниковъ прошлаго за нашу неготовность къ свободѣ.

Едва ли война вничью поведетъ за собой полное возстановленіе павшаго строя, но она усилитъ до крайней степени позиціи реакціонеровъ и урѣжетъ завоеванную свободу.

Настоящая война есть п е р в а я истинно революціонная война въ Россіи и, говоря словами Ново-Рейнской газеты, «лишь война съ Германіей есть война революціонной Россіи».

И далѣе: «война съ Германіей и Австріей является полнымъ открытымъ и дѣйствительнымъ освобожденіемъ Россіи, д ѣ й с т в и т е л ь н ы м ъ и п о л н ы м ъ р а з р ы в о м ъ съ п р о ш л ы м ъ е д и н с т в е н н о возможнымъ п у т е м ъ для сохраненія русской революціонной чести и русскихъ интересовъ». И наконецъ: «Война Россіи противъ Германіи есть настоящая революціонная война, и для Россіи будетъ весьма печально, если ея первая революціонная война окажется самой комичной войной, какая когда-либо велась»...

Такъ революція сдѣлала изъ первыхъ послѣдними и изъ послѣднихъ п е р в ы м и.

Но война вничью грозитъ Россіи и всему міру, а не однимъ революціоннымъ пріобрѣтеніямъ.

Прежде всего она не только не повлечетъ за собой разоруженіе, но, напротивъ, новыя и новыя вооруженія.

Разоруженіе должно быть всеобщимъ и простираться и на сушу, и на море. Я не знаю, какими мѣрами можно заставить разоружиться на сушѣ Японію и Китай?

Не путемъ ли новой войны «разоружившейся» Европы и Америки?

Можетъ ли русская соціалъ-демократія и интернаціоналъ, который въ настоящее время представляетъ изъ себя весьма

незначительную силу, заставить разоружиться австрійцевъ и нѣмцевъ?

Кто принудитъ къ тому Италію и Испанію, Швецію и другія нейтральныя страны?

Кто будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы разоруженіе было дѣйствительнымъ, а не мнимымъ?

Что сдѣлать съ тѣми запасами оружія и взрывчатыхъ веществъ, которыхъ міръ наготовилъ такъ много?

Какимъ образомъ европейская демократія разоружитъ американскую, которая только-что выступила въ походъ?

Будетъ ли разоруженіе полнымъ до единаго солдата или можно оставить понемногу войска въ каждой странѣ?

Но тогда сколько оставить въ каждой изъ нихъ?

Если минимальное количество будетъ все же совпадать съ численностью населенія, то относительно выиграютъ страны большія и проиграютъ маленькія. Какъ вооружить оставшіяся въ каждой странѣ войска—совершенно однороднымъ оружіемъ или предоставить это на усмотрѣніе каждой страны?

Но тогда сила опять будетъ въ рукахъ болѣе культурныхъ и технически передовыхъ странъ...

Всѣ ли крѣпости будутъ уничтожены? Если не всѣ, то поскольку и какихъ останется на каждую страну и будутъ ли онѣ вооружены или нѣтъ?

Замѣтимъ, что полное разоруженіе крѣпостей, облегчивъ вторженіе болѣе воинственной и предпріимчивой страны въ другую, представило бы изъ себя такое искушеніе, которое едва ли преодолѣла бы та же Германія.

Пока на эти и имъ подобные вопросы не будетъ данъ точный и ясный отвѣтъ, всѣ разсужденія о разоруженіи не выйдутъ изъ области прекрасныхъ грезъ. Еще менѣе шансовъ на разоруженіе на морѣ.

Прежде всего и упорнѣе всего этому будетъ противиться Англія.

Положеніе этого маленькаго по населенію о с т р о в н о г о государства таково, что только могущественный флотъ ограждаетъ его существованіе. В ѣ к а м и Англія преслѣдовала цѣль добиться и удержать свое преимущество на морѣ. Спокойный и уравновѣшенный англійскій народъ менѣе всякаго другого склоненъ къ порыву и экзальтаціи. Консервативный

въ своемъ удивительномъ прогрессѣ, англичанинъ не согласится измѣнить въ одно историческое мгновеніе всѣ принципы своей внѣшней политики и погубить въ порывѣ все свое міровое значеніе.

Не думаемъ, чтобы и другая какая страна продала свои броненосцы на сломъ въ видѣ старой стали.

Не станемъ забывать притомъ, что вовсе не одни капиталисты и правительство заинтересованы въ производствѣ орудій смерти: на морскихъ верфяхъ и военныхъ заводахъ работаютъ массы рабочихъ, и притомъ рабочихъ, которые составляютъ аристократію труда.

Но если бы даже эти колоссальныя препятствія къ разоруженію народовъ могли быть побѣждены, то опять-таки страхъ предъ нѣмцами съ ихъ теоріей оправданія насилія необходимостью и признанія въ случаѣ необходимости (а есть ли таковая—рѣшаетъ каждый самъ и для себя) международныхъ соглашеній «клочкомъ бумаги», говоря другими словами, страхъ предъ германскимъ милитаризмомъ одинъ достаточенъ для того, чтобы послѣ войны, разъ только Германія не будетъ обезврежена, народы попрежнему продолжали свою безумную гонку въ дѣлѣ вооруженія. Снова милліарды выброшенныхъ денегъ, снова соревнованіе, а когда одна страна почувствуетъ свое превосходство, то снова искушеніе навязать свою волю міру.

Мы, русскіе, во имя истины и справедливости должны признать себя учениками нѣмцевъ. Для насъ болѣе, чѣмъ для какой-либо другой страны, Германія своей лѣвой рукой творитъ то, что не вѣдаетъ правая. Правой рукой Германія пишетъ критику чистаго разума Канта, Капиталъ Маркса, массу учебниковъ, по которымъ учатся наши профессора по всевозможнымъ отраслямъ человѣческаго знанія, Коммунистическій манифестъ и Эрфуртскую программу—это «вѣрую» пролетаріата,—лѣвая рука потрясаетъ своды міра своимъ бронированнымъ кулакомъ, грозитъ мирной работѣ поселянина и фабричнаго рабочаго, пишетъ трактаты о необходимости во имя человѣколюбія вести жестокую, терроризующую войну, составляетъ чертежи чудовищныхъ пушекъ и формулы ядовитыхъ газовъ.

Правой рукой Германія побѣждаетъ нѣдра, строитъ фабри-

ки и заводы и продуктами своего техническаго генія болѣе всего снабжала именно насъ, но въ то же самое время лѣвая рука Германіи во времена глубокаго мира уже приспособляла свои станки и лабораторіи для военныхъ цѣлей.

Въ настоящую войну Германія выдержала экзаменъ, она показала великія силы не только техники, дисциплины, но и духа.

Однако, этотъ геній—есть прямой потомокъ римскаго желѣзнаго генія. Культура современной Германіи неразрывно связана съ кровью и желѣзомъ. Если рѣшительная побѣда согласія не уничтожитъ германскаго милитаризма, то русскій народъ и весь міръ недолго будетъ спать спокойно—пять, десять, пятнадцать лѣтъ, а потомъ каждый изъ насъ будетъ нервно по утрамъ хватать свою газету,—нѣтъ ли въ ней сообщенія, что разорванъ еще «клочокъ бумаги» стальной нѣмецкой рукой.

Больше того, рѣшительный разгромъ германскаго милитаризма въ конечномъ результатѣ принесетъ пользу нѣмецкой націи.

«Прусскій милитаристическій ядъ», къ сожалѣнію, проникъ во всѣ поры нѣмецкаго организма.

Печальная исторія поведенія германской соціалъ-демократіи въ настоящую войну свидѣтельствуетъ о томъ.

Не можетъ быть ни малѣйшаго спора, что эта партія является наименѣе шовинистической среди всѣхъ остальныхъ партій и группъ германскаго народа. Однако въ началѣ войны она вся безъ исключенія пошла за кайзеромъ. Ласточка одна не дѣлаетъ весны, протестъ одного Либкнехта не снимаетъ грѣха войны со всей германской соціалъ-демократіи.

Если этотъ одинокій голосъ по мѣрѣ затяжекъ войны пріобрѣтаетъ сторонниковъ, то единственнымъ раціональнымъ объясненіемъ такого отрезвленія является постепенная утрата вѣры въ рѣшительную побѣду и все возрастающія тяжести войны.

И можно съ увѣренностью предсказать, что соціалъ-демократы изъ прислужниковъ кайзера обратятся въ его враговъ и вспомнятъ о своихъ «идеалахъ», когда предъ ними встанетъ ужасъ пораженія.

Но не поздно ли это будетъ? Можно ли повѣрить раскаянію предъ наступленіемъ возмездія? Не есть ли это ловкій политическій маневръ?

Итакъ, самая сознательная часть германской демократіи оказалась зараженной шовинизмомъ. Что же сказать объ остальной части демократіи? О буржуазіи? О прусско-нѣмецкомъ юнкерствѣ?

Не въ судъ и осужденіе мы это говоримъ, а съ глубокой грустью.

Но насъ это не удивляетъ. Нами властвуютъ мертвецы, исторія народа, исторія человѣчества сильнѣе всякой проповѣди, прошлое опредѣляетъ настоящее.

Какъ теорія эволюціоннаго постепеннаго развитія, которая самыя революціи объясняетъ исключительно, какъ торжество естественнаго теченія вещей надъ тормозами исторической соціальной эволюціи, научный соціализмъ менѣе всякой другой теоріи склоненъ придавать проповѣди и программѣ преобладающую силу надъ факторами чисто реальными.

Дологъ и тернистъ путь къ идеалу, и всякій сознательный соціалъ-демократъ долженъ признать, что онъ человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо. А въ самомъ прогрессивномъ человѣкѣ, въ самой принципіальной партіи, которая поставила предъ собой наивысшій идеалъ—освобожденія всего человѣчества отъ рабства и нищеты—прошлое оставило слѣды «ветхаго Адама». Разумъ еще не правитъ міромъ. Человѣчество еще нуждается въ суровыхъ урокахъ. Пролетаріатъ еще не возвысился реально до своихъ принциповъ, но будущее все же за нимъ.

9. Сепаратный миръ и экономическое будущее Россіи.

Война поглотила колоссальныя средства, равняющіяся почти сорока процентамъ всего національнаго состоянія Россіи: оно приблизительно оцѣнивается въ 120 милліардовъ рублей, а война взяла уже 50 милліардовъ.

После войны предъ нами встаютъ грандіозныя задачи: а) обезпечить жертвы войны и ихъ семейства, б) осуществить новый свободный строй, в) поднять до небывалыхъ и недоступ-

ныхъ павшему режиму предѣловъ творчество страны, г) разсчитаться съ кредиторами страны.

На все это требуются, во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и, наконецъ, деньги.

Откуда намъ ихъ взять?

Война подѣлила весь міръ на нѣмецкую—меньшую половину и антинѣмецкую—большую.

Наша задолженность во время войны есть задолженность противонѣмецкой половинѣ міра. Отсюда сепаратный миръ прежде всего вызоветъ неумолимость нашихъ кредиторовъ. Неумолимость влечетъ за собой государственное банкротство, а банкротство—фактическую потерю самодержавности государства, отдавая его фактически во власть кредиторовъ.

Наша собственная промышленность бѣдна людьми и капиталами, особенно въ сравненіи съ предстоящими ей грандіозными задачами.

Въ нѣдрахъ своихъ Россія имѣетъ колоссальныя богатства, но извлечь ихъ на свѣтъ Божій нельзя безъ капитала и техническихъ знаній.

Такимъ образомъ, будущее нашей родины въ значительной степени зависитъ отъ привлеченія въ страну иностранныхъ капиталовъ, иностранныхъ предпринимателей и техническихъ силъ.

Все это мы можемъ получить отъ нашихъ настоящихъ союзниковъ и едва ли изъ Германіи и Австріи уже по одному тому, что обѣ страны выйдутъ изъ войны совершенно разоренными. Во всякомъ случаѣ ихъ экономическая мощь значительно уступаетъ силѣ Франціи, Англіи, Италіи и Америки.

Но другія основанія заставляютъ предпочесть англо-франко-американскій капиталъ нѣмецкому.

Иногда со стороны довольно освѣдомленныхъ въ экономическихъ вопросахъ людей намъ приходилось слышать, что для русскаго народа все равно, кто будетъ его эксплоатировать—нѣмцы или союзники. Были, говорятъ, мы въ кабалѣ у нѣмцевъ, теперь попадемъ къ англичанамъ.

«Ѳедотъ, да не тотъ».

Безспорно, что среди причинъ экономическаго господства Германіи надъ Россіей были и такія, противъ которыхъ рѣшительно ничего нельзя возразить.

Прежде всего нельзя не признать, что мы выученники нѣмецкой культуры.

Со временъ Алексѣя Михайловича до нашихъ дней мы смотрѣли въ Европу чрезъ нѣмецкое стекло.

Наша наука, наша техника, наше военное искусство, наша торговая и промышленная организація въ значительной степени брали свои образцы и учились въ Германіи.

Нѣмецкая торговля сумѣла принаровиться къ русскимъ требованіямъ и къ русскому національному характеру.

Самое сосѣдство съ нѣмцами, которое притомъ отдѣляло насъ отъ остальной Европы, открывало имъ возможность усиленнаго вліянія на насъ.

Однимъ словомъ, нѣмецкое вліяніе въ Россіи и въ частности на нашу промышленность и торговлю опиралось на высшую нѣмецкую культуру.

Такую причину торгово-промышленнаго преобладанія также трудно порицать, какъ немыслимо устранить.

Въ этихъ границахъ не приходится и говорить о «засиліи».

Но, къ сожалѣнію, одновременно съ культурными вліяніями нѣмцы пользовались для усиленія своего значенія въ Россіи другими способами, которые и даютъ право говорить о нѣмецкомъ «засиліи» въ Россіи.

Всѣмъ извѣстно, что германское правительство поддерживало всей своей силой русскія реакціонныя теченія.

Русская тайная полиція чувствовала себя въ Германіи, какъ дома.

Въ борьбѣ съ обществомъ и народомъ правительство Николая II явно опиралось на нѣмецкіе штыки. Неуступчивость правящихъ сферъ народнымъ требованіямъ и въ частности пренебрежительное отношеніе къ народному представительству (Г. Дума) въ значительной степени объясняются «дружескими» совѣтами Берлина.

Угнетеніе правительствомъ Русской Польши встрѣчало полное сочувствіе и поддержку Германіи.

Бракъ нѣмца съ русской реакціей былъ союзомъ не только по любви, но и съ расчетомъ.

Правящія сферы Германіи чувствовали сердечное влеченіе къ реакціи, ибо русская реакція поддерживала германскіе «троны и алтари».

Расчетъ покоился на томъ убѣжденіи, что для силы Германіи требуется слабость Россіи.

Нельзя не признать, что съ точки зрѣнія воинствующаго германскаго имперіализма, т. е. стремленія къ міровому господству, расчетъ былъ вполнѣ правиленъ.

Сердечнымъ союзомъ троновъ и господствующихъ сферъ для пріобрѣтенія чисто матеріальныхъ выгодъ можетъ воспользоваться болѣе умный, расчетливый и послѣдовательный въ своей политикѣ народъ, а таковымъ, безспорно, является нѣмецкій.

Вотъ почему эта взаимная симпатія служила интересамъ нѣмецкой торговли и промышленности, а не могла быть использована для достиженія русскихъ интересовъ.

Но когда для выкачиванія русскихъ богатствъ въ Германію недостаточно было насоса любви, на сценѣ появился насосъ силы.

Извѣстно, что невыгодный для Россіи торговый договоръ съ Германіей появился на свѣтъ Божій подъ вліяніемъ угровъ бронированнымъ нѣмецкимъ кулакомъ. Извѣстно, что, опираясь на силу сего кулака, самый незначительный нѣмецкій купецъ и промышленникъ умѣлъ добиваться скоро и безъ всякихъ «толкачей» того, что было недоступно въ родной странѣ русскому.

Нѣмецъ шелъ къ консулу, консулъ былъ уже достаточно силенъ, чтобы заставить уважать нѣмецкіе интересы. Но за консуломъ стоялъ посланникъ, а за посланникомъ—Вильгельмъ, и все устраивалось къ вящщей славѣ Германіи и къ вящщей выгодѣ для нѣмецкой промышленности и торговли. Такимъ образомъ, нѣмецкій торгово-промышленный капиталъ шествовалъ по Россіи въ сопровожденіи тяжелаго тевтонскаго меча, русскаго городового и въ привлекательной одеждѣ высшей культуры.

Соединеніе аршина, меча и «селедки»—вотъ въ чемъ заключается нѣмецкое засилье, и вотъ чѣмъ нѣмецкій капиталъ разнится отъ всякаго другого.

Отечески покровительствуемый фатерландомъ нѣмецкій капиталъ на чужбинѣ, и особенно у насъ въ Россіи, въ свою очередь, исполнялъ для Германіи политическія функціи: германскій купецъ и промышленникъ былъ прекрасный шпіонъ

иногда десятки лѣтъ аккуратно доносившій своему правительству о всемъ, что онъ считалъ полезнымъ знать для славы Германіи. Никакая другая страна въ мірѣ такого комбинированнаго вліянія на Россію имѣть не можетъ.

Никакая другая страна не можетъ свое торговое вліяніе или силу своего капитала, ссуженнаго Россіи, подкрѣпить еще и силой меча.

Вотъ почему смѣшно сравнивать вліяніе нѣмцевъ съ вліяніемъ какой-либо другой страны или странъ, капиталы которыхъ вольются въ Россію.

Сколько бы англійскихъ, французскихъ, американскихъ капиталовъ ни было привлечено, отношенія между этими странами и Россіей никоимъ образомъ не могутъ принять того отношенія между колоніей и метрополіей, какое, несомнѣнно, имѣло мѣсто между Россіей и Германіей.

Необходимо имѣть въ виду, что послѣ того, какъ Россія сдѣлалась свободной страной, исчезли и тѣ препятствія, которыя мѣшали капиталамъ нашихъ союзниковъ оплодотворять Россійскую торговлю и промышленность. Съ другой стороны, война сблизила насъ съ странами союзниковъ и дала болѣе правильное понятіе о русскомъ народѣ. Еще болѣе важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что всюду въ союзныхъ странахъ проявился интересъ къ изученію нашей страны. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что монополія болѣе точныхъ и ясныхъ знаній о Россіи, которая, несомнѣнно, была у Германіи, въ будущемъ исчезнетъ.

Такимъ образомъ, вѣрность нашимъ союзникамъ диктуется и требованіями здоровой экономической политики.

---

10. Польша.

Бронированный кулакъ раздробилъ много странъ: Польша, Бѣльгія, Сербія, Румынія, сѣверъ Франціи.

Если подъ миромъ вничью разумѣть возвращеніе къ тому положенію, которое было до войны, то одна Польша останется раздѣленной на три части: австрійскую, нѣмецкую и русскую.

Мы не знаемъ, какимъ путемъ будетъ создана единая Польша и Польша вполнѣ самостоятельная, если австрогерманцы не признаютъ своего пораженія. Мы, Русскіе, заявили, что, наши братья по крови, Поляки свободны въ своемъ выборѣ, что мы не принуждаемъ Русскую Польшу оставаться въ предѣлахъ Россіи, что Поляки могутъ создать собственное независимое государство. Но не забудемъ, что и Русская Польша вся во власти врага, и прежде чѣмъ осуществить наше обѣщаніе, Полякамъ необходимо отнять нашу часть Польши отъ завоевателей, т.-е ихъ побѣдить.

Что же касается другихъ частей Польши, то ихъ предварительно необходимо вырвать изъ цѣпкихъ рукъ Вильгельма и Карла.

Для этого требуется уже рѣшительная побѣда.

Если и нѣмецкія государства въ данное время обѣщаютъ возстановленіе Польши, то едва-ли Вильгельмъ отдастъ новому государству свои польскія провинціи.

Затѣмъ совершенно невѣроятно, чтобы, не будучи побѣжденными, добровольно австрогерманцы дали возстановленной Польшѣ полную свободу самоопредѣленія, т.-е. разрѣшили ей быть вполнѣ самостоятельной.

Еще менѣе они дозволятъ Польшѣ вступить съ нами въ тотъ дружескій союзъ, который такъ естественъ между нами—славянами по крови и демократами по своему государственному устройству.

Польша, по мнѣнію нашихъ враговъ, должна быть подъ такъ-называемымъ протекторатомъ Австро-Германіи, т.-е. играть зависимую и подчиненную роль.

Но на такую Польшу мы, ограждая собственные интересы, согласиться не можемъ, ибо это значило бы создать государство, всѣ силы котораго были бы въ распоряженіи нашихъ настоящихъ враговъ, т.-е въ конечномъ результатѣ увеличились и территорія и населеніе Австро-Венгріи и Германіи, и въ случаѣ войны Польша, какъ вассалъ нѣмцевъ, должна была бы поднять свое оружіе противъ насъ.

Польша должна быть совершенно свободна и самостоятельна, какъ государство, а на Польшу, зависящую отъ нѣмцевъ, Россія согласиться не можетъ.

---

11. Гордіевъ узелъ войны.

Только побѣда той или иной стороны разрубитъ гордіевъ узелъ войны. Всякій организмъ развивается подъ вліяніемъ двухъ началъ: а) подъ вліяніемъ окружающей среды и б) по собственнымъ своимъ законамъ. Подъ тѣми же вліяніями развиваются и общественныя явленія. Съ одной стороны, на общественное явленіе оказываютъ вліяніе внѣшнія условія, при которыхъ оно протекаетъ, а съ другой—оно двигается сообразно своей собственной природѣ.

Чѣмъ крупнѣе явленіе, тѣмъ больше оно управляется своими собственными законами и тѣмъ менѣе всякими посторонними вліяніями той среды, въ которой оно протекаетъ.

Каждое событіе отъ большого до малаго имѣетъ собственную логику. Какъ рѣка, всякое явленіе течетъ по своему руслу, и чтобы измѣнить это естественное теченіе, требуются искусственныя средства или огромное время, въ теченіе котораго русло само собой постепенно мѣняется.

Чѣмъ больше рѣка, тѣмъ больше нужно усилій, чтобы направить теченіе ея по собственному усмотрѣнію.

Естественное теченіе всякой войны—это побѣда той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Исторія не знаетъ примѣровъ такихъ войнъ, когда ни та, ни другая сторона не одержали бы побѣды.

Правда, исторія знаетъ много войнъ, результаты которыхъ для побѣдителя сводились почти къ нулю, или во всякомъ случаѣ побѣда была весьма слабо использована. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ на сценѣ появлялись третьи лица—страны, не участвовавшія въ борьбѣ и по своимъ собственнымъ соображеніямъ предъявившія къ побѣдителю требованіе или совсѣмъ отказаться отъ плодовъ побѣды или въ значительной мѣрѣ ограничить свои аппетиты.

Но побѣдитель слушается этихъ третьихъ лицъ лишь въ томъ случаѣ, когда непослушаніе грозитъ ему или новой тяжкой войной или весьма вѣроятнымъ пораженіемъ.

Другими словами, для вмѣшательства между борющимися государствами требуется, чтобы государства, дѣлающія это вмѣшательство, были или сильнѣе побѣдителя или во всякомъ случаѣ настолько сильны, чтобы побѣдитель долженъ былъ съ ними считаться.

Гдѣ же въ настоящее время эти третьи лица, гдѣ та не участвующая въ міровой войнѣ сила, которая могла бы сказать воюющимъ—«перестать»! и свое требованіе поддержать силой оружія?

Достаточно вспомнить, что въ настоящей войнѣ принимаютъ участіе: Америка, Англія, Австрія, Германія, Россія, Италія, Франція, Японія, т.-е. рѣшительно всѣ міровыя могущества—достаточно это не упускать изъ виду, чтобы признать, что нѣтъ ни силы, ни авторитета, который бы могъ оказать въ пользу прекращенія войны давленіе извнѣ.

Напротивъ, недавнее вступленіе въ ряды воюющихъ послѣдней изъ великихъ державъ—Америки —показало, что настоящая война стала такой непреодолимой силой, которая втягиваетъ въ себя даже далекія и могущественныя страны.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что скоро мы увидимъ въ рядахъ сражающихся и тѣ государства, которыя до сихъ поръ оставались нейтральными.

Міровой пожаръ не гаснетъ, а все разгорается, и тушить извнѣ, по крайней мѣрѣ, его некому.

Образовалось какое-то военное государство.

Царь его—Молохъ—насчитываетъ своихъ подданныхъ около сорока милліоновъ на поляхъ сраженій, около сорока милліоновъ вооруженныхъ всѣми средствами взаимоистребленія. А такъ какъ колоссальные размѣры войны вовлекли въ ея орбиту тѣмъ или инымъ способомъ и все населеніе воюющихъ странъ, то война воистину свирѣпствуетъ во всемъ мірѣ.

Завязался гигантскій «гордіевъ узелъ», который можно разрубить, но нельзя развязать.

Война поставила и обострила рядъ такихъ вопросовъ, которые грубо рѣшитъ одна сила.

Чѣмъ, напримѣръ, вызвано выступленіе Америки? Безпощадной подводной войной. Но сама война вызвана безпощадной блокадой Англіи. Желѣзные законы войны также заставили Англію воспользоваться силой своего флота, какъ Германію противопоставить на водѣ этой силѣ силу подводныхъ лодокъ.

Стратегическія соображенія, т.-е. законы войны, заставили Германію нарушить нейтралитетъ Бельгіи, уничтожить сѣверъ

Франціи, занять Польшу, сравнять съ землей Сербію, почти уничтожить Румынію и проч.

Война же заставляетъ противонѣмецкую коалицію прежде всего стремиться къ изгнанію нѣмцевъ изъ завоеванныхъ ими земель.

Нѣмцы, Австрійцы, Турки и Болгары, по своему населенію, средствамъ, техническому развитію, однимъ словомъ, по своей дѣйствительной силѣ, гораздо слабѣе своихъ противниковъ. Но наши враги прекрасно используютъ свое центральное положеніе, свою большую подготовку, и получается, что пока слабый бьетъ сильнаго.

Можетъ ли болѣе сильный побѣжденный отказаться отъ конечной побѣды, можетъ ли болѣе слабый побѣдитель отказаться отъ своихъ побѣдъ?

Война создала, такимъ образомъ, цѣлый рядъ положеній, выходъ изъ которыхъ можетъ дать только побѣда.

Но, помимо того, война обострила цѣлый рядъ вопросовъ, цѣлый рядъ противоположныхъ интересовъ воюющихъ странъ.

Мы упоминали уже о Польскомъ вопросѣ, который ближе всего касается именно насъ.

Но развѣ вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи можетъ быть разрѣшенъ безобидно для Германіи и Франціи?

Если бы Германія даже согласилась отказаться отъ Бельгіи и Люксембурга, очистить Польшу и т. д., то она никоимъ образомъ не согласится отдать Франціи обратно завоеванныя у нашей союзницы провинціи.

Какъ быть съ Босніей и Герцеговиной? Останутся ли они у Австріи или отойдутъ къ Сербіи?

Трансильванскій вопросъ для Румыніи, Армянскій вопросъ для Турціи...

Греческій вопросъ, ибо война раздѣлила Грецію на двѣ части—Элладу Венизелоса и Грецію царя Константина. Останется ли это раздѣленіе и послѣ войны или разъединенныя части вновь соединятся, а если—да, то въ формѣ ли Греческой республики или подъ скипетромъ царя Константина?

Должны ли быть возвращены Германіи отнятыя у ней колоніи?

А съ другой стороны—обязана ли Германія возмѣстить разореніе Бельгіи, Сѣверной Франціи, Польши, Сербіи,

Румыніи, убытки отъ потопленія судовъ нейтральныхъ странъ?

Не будемъ больше плодить вопросовъ, которыми можно наполнить не одну страницу, только называя ихъ и толстые томы только одними программами разрѣшеній.

Поставимъ себѣ вопросъ, имѣетъ-ли русская демократія опредѣленную программу хотя бы по одному изъ этихъ вопросовъ?

Одна быстрота происшедшаго государственнаго переворота должна привести насъ къ убѣжденію, что такой программы нѣтъ и быть не можетъ.

Мы должны признать, что нѣтъ опредѣленной программы даже относительно самыхъ общихъ цѣлей войны, и тѣхъ условій, на которыхъ даже одна Россія могла бы заключить миръ.

Относительно войны мы имѣемъ цѣлую гамму мнѣній: 1) долой войну немедленно, да здравствуетъ братство народовъ, 2) война оборонительная, 3) война до полной побѣды, 4) война съ контрибуціей, 5) война съ контрибуціей и проливами и Константинополемъ, 6) война съ контрибуціями, проливами, Константинополемъ и завоеваніями въ Малой Азіи.

Мало того каждое изъ этихъ мнѣній въ сущности совершенно неопредѣленно. Вѣдь любое изъ нихъ есть цѣлая программа, которую необходимо изложить по пунктамъ и въ ясныхъ не подлежащихъ двумъ толкованіямъ выраженіяхъ. Разсмотримъ, напримѣръ, мнѣніе объ оборонительной войнѣ, которое, казалось бы, является наиболѣе опредѣленнымъ и не требующимъ дальнѣйшихъ поясненій.

Однако, стратегія учитъ, что сама оборона бываетъ двухъ родовъ—пассивная и активная:

Пассивная оборона состоитъ въ томъ, что обороняющійся только отражаетъ удары, но самъ не стремится ихъ нанести.

Пассивная оборона обыкновенно кончается гибелью обороняющагося.

Активная оборона состоитъ въ томъ, что, отражая врага, обороняющійся не упускаетъ ни одного случая, когда онъ самъ можетъ напасть.

Ясно, что, если такое нападеніе удастся, то обороняющійся можетъ превратиться въ наступающаго и оборона превратиться въ нападеніе.

Нападеніе при удачѣ можетъ обратиться въ побѣду, въ разгромъ врага, а сама оборонительная война—въ наступательную.

Разрѣшаютъ ли требующіе оборонительной войны при случаѣ разгромить врага или нѣтъ?

Далѣе, интересно было бы узнать, на какомъ мѣстѣ наша армія должна вести оборонительную войну: на ея настоящихъ позиціяхъ или на границахъ Германіи, и можно ли нашимъ войскамъ, если представится случай, перейти нѣмецкую границу?

При Николаѣ II и его «славномъ» навѣки министрѣ Сухомлиновѣ мы спасли отъ разгрома Францію наступленіемъ на Восточную Пруссію.

Должны ли свободные русскіе граждане-солдаты сидѣть въ своихъ окопахъ и не пытаться продвинуться впередъ, если бы вновь Вильгельмъ бросилъ на англо-французскую армію почти всю массу своихъ войскъ, оставивъ у насъ то количество, съ которымъ мы могли бы легко справиться?

Сторонники оборонительной войны въ строжайшемъ смыслѣ этого слова забываютъ, что, если бы наши союзники придерживались въ данное время этого же принципа и не громили нѣмцевъ на своемъ фронтѣ, то, безъ малѣйшаго сомнѣнія, германскій молотъ разбилъ бы въ ближайшіе дни нашу армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу свободу.

Кромѣ неопредѣленности всѣхъ пожеланій мы также совершенно не освѣдомлены, высказываются ли они просто группами, мѣстными организаціями, наконецъ, партіями, и изъ какого количества россійскихъ гражданъ эти группы, партіи и иныя организаціи состоятъ.

Принципъ демократіи состоитъ въ признаніи господства большинства.

Посему навязываніе со стороны какой-либо группы или организаціи своихъ требованій и мнѣній —недемократично.

Россія въ данное время имѣетъ только временное правительство, и русская демократія не можетъ признать его голосъ за голосъ всей Россіи, его рѣшеніе за рѣшеніе всей Россіи.

Только Учредительное Собраніе явится правомочнымъ представителемъ Русскаго народа, и только его рѣшеніе во-

просовъ войны и мира, которые будутъ имѣть громадное значенiе для Русскаго народа, на долгiе годы должно быть признано рѣшенiемъ самой Россiи.

А до Учредительнаго Собранiя, по самой его техникѣ, весьма далеко.

Во всякомъ случаѣ оно соберется не ранѣе осени, т.-е. послѣ рѣшительной весенней и лѣтней кампанiи.

Рѣшать вопросъ за Россiю въ данное время никто не можетъ, но обсуждать мы должны.

Русская революцiя безспорно имѣетъ мiровое значенiе уже по одному тому, что Россiя всегда имѣла большой удѣльный вѣсъ среди другихъ могуществъ мiра, а значенiе свободной Россiи, несомнѣнно, будетъ еще болѣе велико.

Но его все же не слѣдуетъ преувеличивать.

И свободная Россiя не будетъ диктаторомъ мiра ни въ добрѣ, ни въ злѣ.

У себя мы можемъ дѣлать все или почти все, что намъ угодно, но заставить другiя страны поступать по-нашему мы не можемъ и могли бы только въ томъ случаѣ, если бы хотѣли и были въ состоянiи навязать свою волю остальному мiру, т.-е. стать его повелителемъ.

Для того, чтобы стать его повелителемъ, мы должны или покорить мiръ силой или убѣдить мiръ.

Но ни то, ни другое намъ недоступно.

Покоренiе мiра силой не можетъ войти въ программу Русской демократiи и далеко превышаетъ наши силы.

Намъ нечего и мечтать о томъ, чтобы достичь умственной и нравственной диктатуры надъ мiромъ.

Наша наука идетъ позади науки другихъ культурныхъ странъ.

Образованiе не стало еще удѣломъ Россiи, и при своихъ пятидесяти процентахъ неграмотныхъ Россiя принадлежитъ къ числу самыхъ отсталыхъ странъ въ области просвѣщенiя широкихъ народныхъ массъ.

Свобода скоро справится съ народнымъ невѣжествомъ, но пока оно безспорный фактъ.

Культура находится въ Россіи также въ зачаточномъ состояніи: мало жел. дорогъ, промышленность и торговля развиты слабо, земледѣльческая культура въ зачаточномъ состояніи и пр.

Такимъ образомъ въ культурномъ и духовномъ отношеніи мы ученики Запада и никоимъ образомъ не вожди.

Свобода открыла намъ широкую дверь къ просвѣщенію и культурѣ, къ подъему благосостоянія широкихъ массъ, но предстоитъ еще большая и интенсивная работа, чтобы догнать культурную Европу и Америку.

Наша революція, при всемъ ея огромномъ значеніи для насъ, имѣетъ для всего остальнаго человѣчества въ смыслѣ идей, т. е. въ смыслѣ провозглашенія новыхъ лозунговъ, «новыхъ словъ», совершенно не то значеніе, какъ Великая Французская Революція конца XVIII вѣка.

Та революція дѣйствительно провозгласила міру новыя слова и, бурей промчавшись надъ всей Европой, на штыкахъ революціоннаго императора Наполеона пронесла всюду новый буржуазный строй—идею третьяго сословія.

Свобода, братство и равенство.

Это было новое евангеліе, въ которое вѣрили и которое открывало предъ человѣчествомъ новый свѣтлый міръ, идѣже нѣсть ни скорбь, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Но теперь, при холодномъ свѣтѣ науки, особенно для насъ—послѣдователей научнаго эволюціоннаго міросозерцанія Маркса, эти слова утратили свое значеніе священныхъ скрижалей новаго человѣчества.

Для народовъ же Запада и Америки безъ всякой теоріи, а сама жизнь показала, что свобода, братство и равенство есть только путь къ царству свободы человѣка и человѣчества, но не самая свобода.

Путь къ побѣдѣ надъ природой и къ благосостоянію народныхъ массъ, но не самая побѣда, не самое благосостояніе.

Соціализмъ....

И здѣсь мы не открываемъ ничего новаго, здѣсь мы знаемъ, что соціалистическое движеніе пролетаріата есть путь къ соціализму, но путь далекій и полный терній.

И такъ, идя въ хвостѣ культуры и просвѣщенія, своей революціей осуществляя то, что у другихъ народовъ стало уже давно жизненной и житейской практикой, мы остаемся и въ самой революціи ученикамии, а не учителями.

Почему мы сами встрѣтили холодно великій революціонный праздникъ?

Главнымъ образомъ потому, что сознательные индивиды и партіи умудрены западно-европейскимъ опытомъ, а широкія народныя массы чувствуютъ дѣйствительное значеніе совершившагося.

Мы сбросили ржавыя цѣпи, но остались въ той одеждѣ, которая завѣщана намъ всѣмъ нашимъ прошлымъ.

Поэзія революціи навсегда прошла и осталась проза суровой дѣйствительности.

Но не имѣя сами въ себѣ того священнаго революціоннаго огня, которымъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія французы зажгли весь міръ, мы никого также не можемъ зажечь, какъ покорить и убѣдить.

Западные народы — и противники, и друзья — учтутъ значеніе революціи, хладнокровно подведутъ ея активъ и пассивъ и по бухгалтерски выведутъ остатокъ въ нашу пользу.

Революціонная поэзія исчезла изъ міра и осталась проза желѣзныхъ законовъ соціологіи.

И наши враги, и наши союзники живутъ въ буржуазномъ мірѣ и въ самыхъ передовыхъ націяхъ капитализмъ еще не изжилъ себя, что бы, подобно перезрѣлому плоду, свалиться въ прошлое. Посему и враги, и друзья будутъ разсуждать и обсуждать всѣ вопросы съ точки зрѣнія буржуазной, а вовсе не соціалистической.

Буржуазный націонализмъ есть высшая степень національнаго эгоизма.

Если бы даже Россія по тѣмъ или инымъ причинамъ во имя идеаловъ стала пренебрегать своими національными интересами въ пользу интересовъ космополитическихъ, то подражанія этотъ примѣръ не вызоветъ.

Жертвы Россіи вызовутъ похвалу, быть можетъ апплодисменты, но и только.

То, что отброситъ отъ себя Россія, не поступитъ въ общую чашу человѣчества, а будетъ подобрано какой-либо другой націей.

И отдѣльный человѣкъ, и отдѣльная нація должны въ концѣ концовъ повторить слова: «Du bist am Ende, was du bist».

Величайшимъ и наиболѣе вреднымъ насиліемъ является насиліе надъ самимъ собою. Самой вредной утопіей является стремленіе сдѣлать то, что безконечно превышаетъ реальную силу, что невозможно.

Учтемъ же прежде, чѣмъ одарять міръ, самихъ себя.

Мы вступили на путь капитализма и являемся одной изъ капиталистическихъ странъ.

Капитализмъ и основанный на немъ буржуазный строй не только не изжилъ себя, но находится въ періодѣ своего первоначальнаго и въ тоже время быстраго развитія.

«Россія столько же страдаетъ отъ капитализма, сколько отъ его недостаточнаго развитія».

Сама революція вовсе не ослабитъ ростъ русскаго капитализма, а ускоритъ и усилитъ.

Всякаго рода помѣхи и тормозы развитію капиталистическаго производства торговли и промышленности есть во первыхъ усилія, обреченныя на полный неуспѣхъ, и во вторыхъ по существу реакціонныя, ибо они хотятъ повернуть колесо исторіи обратно, а не усилить его вращеніе.

Научный соціализмъ открылъ и доказалъ, что источникъ всякаго прогресса общества есть развитіе его производительныхъ силъ.

Все то, что толкаетъ эти силы впередъ—по существу своему прогрессивно, все, что тормозитъ развитіе національныхъ производительныхъ силъ по существу реакціонно.

Но въ капиталистическомъ и даже еще примитивно капиталистическомъ государствѣ развитіе производительныхъ силъ можетъ происходить только путемъ развитія капиталистической промышленности и торговли.

Между тѣмъ для этого развитія основнымъ условіемъ является расширеніе рынковъ съ одной стороны и пріобрѣтеніе удобныхъ для торговли пунктовъ съ другой.

Расширеніе рынковъ можетъ быть интенсивное и экстенсивное или другими словами: рынокъ расширяется тѣмъ, что въ сферу данной національной промышленности включаются новыя территоріи съ новымъ населеніемъ и тѣмъ, что населеніе данной территоріи увеличиваетъ потребительскую способность. Возможенъ еще третій путь—націо-

нальная промышленность завоевываетъ себѣ международный рынокъ.

Послѣдній путь въ общемъ для Россіи закрытъ, ибо при отсталости нашей добывающей и обрабатывающей промышленности мы не можемъ бороться на международномъ рынкѣ съ промышленностью передовыхъ капиталистическихъ странъ.

Если мы вывозимъ на міровой рынокъ, то хлѣбъ и сырье т.-е. питаемъ другихъ за счетъ собственнаго голоданія и росписываемся въ собственномъ безсиліи сдѣлать изъ сырья потребляемый продуктъ. Что касается будущаго, то мы должны имѣть въ виду, что политика свободнаго международнаго рынка (принципъ свободной торговли) все болѣе и болѣе замѣняется стремленіемъ оградить собственную промышленность отъ засилья иностранной высокими ввозными пошлинами.

Расширеніе территоріи является такимъ образомъ и страхованіемъ будущаго промышленнаго развитія страны.

И такъ для Россіи остаются два пути развитія производительныхъ силъ на почвѣ капиталистическаго товарнаго производства: интенсификація внутренняго рынка и территоріальное расширеніе.

Но процессъ интенсификаціи есть процессъ болѣе сложный и продолжительный, это есть въ сущности ростъ культуры всего народа.

Въ тоже время развитіе покупательной способности населенія на данной площади вовсе не противорѣчитъ и расширенію рынка путемъ расширенія самой національной территоріи.

Оба эти процесса, какъ показала исторія, идутъ вмѣстѣ и взаимно усиливаютъ другъ друга.

Даже самыя передовыя въ промышленномъ отношеніи страны жадно стремятся къ расширенію своей территоріи, какъ базису развитія своей промышленности и торговли.

На стр. 51 Эрфутской программы мы читаемъ: «Внѣшняя торговля играетъ съ самаго начала огромную роль въ капиталистическомъ производствѣ и чѣмъ болѣе приближается оно къ господству, тѣмъ очевиднѣе, что закрѣпленіе и расширеніе внѣшнихъ рынковъ составляетъ жизненный интересъ для цѣлой націи».

На страницѣ 86 :«Ничѣмъ такъ нельзя задѣть жизненные интересы капиталистовъ какой либо націи, какъ уменьше-

ніемъ ихъ страны. Пять милліардовъ французская буржуазія простила бы Германіи. Но присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи не можетъ снести. Всѣ современныя государства заинтересованы въ своемъ расширеніи».

Напомнимъ, что Эрфуртская программа есть «вѣрую» международнаго пролетаріата.

Подчеркнемъ, что она отождествляетъ капиталистическіе интересы съ интересами самой націи.

Напомнимъ, что Эрфуртская программа была принята въ 1891 году, когда съ одной стороны промышленное развитіе Германіи было выше, чѣмъ современное положеніе русской промышленности, а съ другой и соціализмъ Германіи былъ болѣе развитъ, чѣмъ соціализмъ нашихъ дней въ Россіи.

---

12. Константинополь и проливы.

Вопросъ этотъ отпадаетъ самъ собой, если мы допустимъ, что міровая война при всѣхъ усиліяхъ нашихъ и нашихъ союзниковъ не приведетъ насъ къ обладанію Константинополемъ и проливами или другими словами если у насъ не хватаетъ на это силъ.

На нѣтъ суда нѣтъ.

Вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: нуженъ ли намъ Константинополь?

Будетъ ли обладаніе имъ и проливами способствовать развитію производительныхъ силъ Россіи или нѣтъ?

Обладаніе Константинополемъ прежде всего дѣлаетъ черное море Русскимъ моремъ и тѣмъ обезпечиваетъ непосредственно для нашей промышленности новый огромный рынокъ въ лицѣ при-черноморскихъ странъ.

Самъ по себѣ Константинополь является однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ торговыхъ пунктовъ, стоя на рубежахъ Европы, Азіи и Африки.

Черезъ Средиземное море мы связаны со всей культурной Европой, черезъ Суэцъ и Гибралтаръ со всемъ міромъ.

Если Петербургъ для Петровской Руси былъ окномъ въ Европу, то Константинополь для насъ есть широкая дверь во весь міръ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что революція и связанная съ ней неминуемая аграрная реформа въ ближайшемъ будущемъ усилитъ наше земледѣліе и свой неизбѣжный пока вывозъ хлѣба и другихъ продуктовъ земледѣлія мы будемъ усиленно производить не на счетъ голоданія и недоѣданія широкихъ массъ, а на счетъ избытковъ.

Съ другой стороны Европейскій и Американскій ввозъ чрезъ Константинополь и южные порты гораздо удобнѣе, чѣмъ Мурманъ и Балтійское море.

А главное одно другому не мѣшаетъ...

Проливъ столько крови и истративъ колоссальныя средства, было бы неразумно все развитіе свободной России и особенно ея юга оставлять на произволъ турокъ, если Константинополь останется у нихъ, и подвергать разнымъ колебаніямъ, если онъ станетъ свободнымъ международнымъ городомъ. Обладаніе проливами уменьшитъ расходы на оборону нашего черноморскаго побережья, ибо укрѣпивъ надлежащимъ образомъ проливы, мы не только сдѣлаемъ почти невозможнымъ прорывъ въ Черное море непріятельскаго флота, но даже и подводныхъ лодокъ.

Въ случаѣ осложненій въ будущемъ съ центральными европейскими державами, мы не окажемся оторванными отъ всего остального міра, какъ оказались во время настоящей войны.

Можно ли сомнѣваться, что будь свободны проливы, настоящая война уже кончилась бы побѣдой державъ согласія надъ центральными имперіями.

Аннексія у турокъ Константинополя, а равно и нѣкоторыхъ областей въ Малой Азіи должны быть совершены не только съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ интересовъ, но и съ болѣе высокой и общей точки зрѣнія—обще-человѣческой культуры и прогресса.

Вспомнимъ еще разъ завѣты Маркса и Энгельса въ «Ново-Рейнской» газетѣ: «Право Германіи противъ Даніи есть право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя. Если бы трактаты даже говорили въ пользу Даніи, что очень сомнительно, то это право все-таки имѣло бы больше силы, чѣмъ всѣ договоры, ибо оно есть право историческаго развитія».

Новая Россія, которая по своей политической свободѣ несомнѣнно будетъ одной изъ передовыхъ демократій міра,

по отношенію къ Турціи имѣетъ за собой гораздо больше правъ прогресса, цивилизаціи и историческаго развитія, чѣмъ имѣла Германія по отношенію къ Даніи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что свобода, порядокъ, правосудіе и быстрый ростъ благосостоянія гражданъ Россійской республики примирятъ съ Россіей населеніе всѣхъ тѣхъ странъ, которыя войдутъ въ ея составъ. Подъ владычествомъ турокъ замерли и были потеряны для прогресса страны древней культуры. Въ сліяніи съ свободной Россіей вновь оживетъ тотъ Востокъ, гдѣ, по словамъ поэта, «Родъ людской спитъ глубоко ужъ девятый вѣкъ».

Мы сомнѣваемся, чтобы въ угоду отвлеченной теоріи «самоопредѣленія» народовъ было допустимо оставить Константинополь въ рукахъ турокъ, которые рѣзали свое иноплеменное населеніе во времена Абдулъ-Гамида и продолжаютъ рѣзать во времена Энверъ-Паши.

Мы считали бы величайшей потерей для мірового прогресса, чтобы въ его побѣдное шествіе не были вовлечены еще вѣка богатыя области Малой Азіи. Если Константинополь останется у турокъ и въ тоже время Германія не потерпитъ рѣшительнаго пораженія, то въ сущности это оставленіе будетъ подаркомъ не туркамъ, а нѣмцамъ.

И опять и опять Россія будетъ бояться, что подводныя лодки и флотъ нѣмцевъ отрѣжутъ ея отъ всего міра со стороны Балтійскаго и Бѣлаго морей и капризъ турокъ или явное злоумышленіе преградятъ выходъ въ Средиземное море.

Константинополь — свободный международный городъ. Проливы поступаютъ во власть международной комиссіи.

Но прежде всего и для такого рѣшенія вопроса необходимо побѣдить турокъ и сломить силу Германіи и Австріи, т.-е. довести войну до побѣднаго конца. Значитъ, кровь русская будетъ литься тѣми же рѣками, а русскій народъ останется въ прежнемъ положеніи относительно своего юга и свободы доступа къ Средиземному морю.

Будучи международными, проливы должны быть разоружены, т.-е. Черное море и русскія владѣнія навсегда останутся подъ угрозой проникновенія и надводнаго и подводнаго флота.

Положеніе даже можетъ измѣниться къ худшему, ибо прежде мы имѣли дѣло съ одной Турціей, а при новомъ порядкѣ будемъ имѣть дѣло съ интересами многихъ государствъ.

Кромѣ того при нашей торгово-промышленной отсталости Константинополь, какъ свободный и доступный для всѣхъ портъ поведетъ къ полному вытѣсненію нашей торговли изъ предѣловъ Черноморскаго бассейна.

Константинополь и проливы въ русскихъ рукахъ—есть ключъ въ карманѣ Россіи къ Черному морю и прилегающимъ къ нему землямъ.

Демократическая и свободная Россія никогда не воспользуется этимъ ключемъ, что бы закрыть дверь для прогресса, но въ случаѣ необходимости во имя государственной безопасности, она будетъ имѣть возможность запереть эту дверь въ собственную страну.

Отъ всякихъ нежелательныхъ посѣщеній.

Свобода есть широкій, удобный и легкій путь къ поднятію въ странѣ просвѣщенія, культуры, богатства, ко всякимъ духовнымъ и матеріальнымъ цѣнностямъ, но обладаніе Константинополемъ и проливами—есть уже наличное матеріальное и культурное богатство.

Повторяемъ, что, принимая во вниманіе состояніе Турціи и ея населенія, ни одинъ безпристрастный человѣкъ не имѣетъ права сказать, что это богатство Россія отнимаетъ у кого то и тѣмъ болѣе у прогресса всего человѣчества.

Напротивъ, настоящіе варварскіе хозяева Константинополя и проливовъ отняли ихъ у человѣчества и обратили въ орудіе застоя и угнетенія. Въ рукахъ свободной Россіи это орудіе обратится въ плугъ на общечеловѣческой нивѣ.

Стоны избиваемыхъ турецкимъ фанатизмомъ Россія обратитъ въ радость неприкосновенныхъ, нищету подавленныхъ Россія замѣнитъ богатствомъ свободныхъ, и мѣста, гдѣ вѣяло плѣсенью историческаго застоя, обратятся подъ эгидой свободной Россіи—въ храмъ цивилизаціи и прогресса.

Отказъ отъ расширенія территоріи Россіи малонаселенными пространствами Малой Азіи есть прямой ударъ интересамъ крестьянства. При передачѣ въ ихъ пользу годныхъ къ земледѣльческой культурѣ земель не надобно забывать, что земель этихъ весьма мало.

Шингаревъ заявилъ, напр., что всего на душу населенія такихъ земель приходится п о л ъ - д е с я т и н ы. Между тѣмъ переселеніемъ на свободныя и вновь пріобрѣтенныя земли можно создать тамъ не только очаги русской культуры, но и благосостояніе многихъ тысячъ переселившихся.

Политическая и общественная сила рабочаго класса даетъ ему возможность повышать свой заработокъ на почвѣ уменьшенія прибыли класса капиталистовъ. Но ясно, что чѣмъ больше вообще прибыль всего капиталистическаго класса страны, тѣмъ большее абсолютно могутъ отвоевать себѣ рабочіе. Отсюда отказъ отъ Константинополя и проливовъ, обладаніе которыми безспорно явится могучимъ рычагомъ возрастанія богатствъ Россіи и ея національнаго дохода, н а н о с и т ъ у д а р ъ р е а л ь н ы м ъ и н т е р е с а м ъ р а б о ч а г о к л а с с а Р о с с і и.

---

13. Къ русской демократіи.

(Вмѣсто заключенія).

Революція отдала все будущее Россіи въ руки самаго народа.

Эта передача произошла въ вихрѣ міровой войны, подъ громъ орудій и въ туманахъ ядовитыхъ газовъ.

Медлительные часы исторіи помчались со сказочной быстротой.

Русскій государственный корабль несется по бушующему океану.

Отъ искусства кормчихъ, самообладанія пассажировъ и самоотверженности команды зависитъ его гибель или спасеніе.

Въ эти роковые часы необходима особая вдумчивость, тщательный анализъ и учетъ совершающагося и трезвость государственной мысли.

Ошибки во всякомъ случаѣ принесутъ русскому народу большія страданія, грубыя ошибки могутъ повлечь за собой гибель.

Между тѣмъ именно въ роковомъ предопредѣляющемъ судьбу народа вопросѣ о войнѣ безпристрастный наблюдатель видитъ больше страсти, чѣмъ обдуманности, больше вѣры въ чудеса, чѣмъ холоднаго разсчета, больше призывовъ къ борьбѣ,

чѣмъ къ единенію всѣхъ предъ грозной опасностью со стороны внѣшняго врага.

Основной ошибкой всѣхъ демократическихъ партій является духъ доктринерства, стремленіе саму жизнь уложить въ Прокрустово ложе теоріи, разыграть революцію по нотамъ.

Среди разноголосицы возбужденныхъ голосовъ внутри Россіи остаются глухи къ сердитому басу нѣмецкихъ тяжелыхъ орудій. А между тѣмъ этотъ голосъ приходится имѣть въ виду прежде всего, сначала нужно существовать и потомъ уже развиваться въ томъ или иномъ направленіи.

Благодаря ему невольно вспоминается рядъ историческихъ фактовъ, когда добытая народами свобода гибла подъ мечемъ чужестраннаго деспота. Напомнимъ болѣе близкій намъ примѣръ.

Венгерское возстаніе было подавлено русскими войсками.

А вслѣдъ за Венгріей пала и свобода Австріи.

Исторія двигается не одной классовой борьбой внутри государствъ, но еще и борьбой самихъ государствъ между собой.

Этимъ безспорнымъ обстоятельствомъ и объясняется патріотизмъ К. Маркса, и этотъ патріотизмъ не стоитъ ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ международными стремленіями демократіи, основателемъ и теоретикомъ которыхъ былъ также родоначальникъ научнаго соціализма.

Война есть печальный, но огромной важности фактъ. Война сравнительно съ мирнымъ развитіемъ народовъ является явленіемъ совершенно отличнымъ, имѣющимъ свои собственныя особенности и свои законы. Было бы не простой утопіей, а явнымъ идіотизмомъ, разрывомъ со всемъ реалистическимъ направленіемъ научнаго соціализма стараться обойти этотъ роковой фактъ, это явленіе громадной важности для народовъ простой ссылкой на международныя стремленія пролетаріата.

«Довлѣетъ дневи злоба его», особенно если этотъ день предопредѣляетъ дальнѣйшую судьбу страны.

Вотъ почему патріотическое настроеніе и поведеніе также должно доминировать надъ международными влеченіями во время вооруженнаго столкновенія, какъ международныя стремленія надъ кваснымъ патріотизмомъ во время мира.

Время войны—есть время быстрыхъ, рѣшительныхъ и грубыхъ дѣйствій. А для этого нужно единство, а не раздвоенность отношеній къ переживаемымъ явленіямъ и событіямъ.

Приведемъ грубый, но ясный и жизненный примѣръ.

Когда русскій солдатъ, будь онъ самый убѣжденный интернаціоналистъ, идетъ въ аттаку и колетъ штыкомъ или стрѣляетъ въ нѣмца, онъ не думаетъ о томъ, кто е г о непосредственная жертва—нѣмецкій буржуй или нѣмецкій интернаціональный рабочій.

Если бы солдатъ отвлекъ свое вниманіе отъ борьбы такими вопросами, онъ неминуемо погибъ бы.

Подъ вліяніемъ раздвоенности его сознанія, анализа во время борьбы на жизнь и смерть, ослабила бы и сила его удара, и сила сопротивленія ударамъ. Война должна вестись по русской пословицѣ: семь разъ примѣряй и разъ отрѣжъ. Нужно семьдесятъ разъ примѣривать, что бы избѣжать войны, но разъ она идетъ и идетъ съ такой жестокостью, съ такими угрозами для самаго существованія побѣжденныхъ и во всякомъ случаѣ для д о с т о й н а г о Великой Россіи существованія, то р ѣ з а т ь, т.-е. воевать нужно безъ всякихъ дальнѣйшихъ сомнѣній

Если интернаціоналисты не смогли по тѣмъ или инымъ соображеніямъ и обстоятельствамъ избѣжать войны, то во время самой войны они должны быть только п а т р і о т а м и.

Быть же въ военное время одновременно тѣмъ и другимъ— совершенно не раціонально и гибельно

Повторяя слова Энгельса, напомнимъ, что во время войны «политическій вопросъ тотчасъ отступаетъ въ этомъ случаѣ предъ военнымъ»...

В с я к о е п р а в и т е л ь с т в о гибло, когда оно измѣняло странѣ во время войны. Ни одна партія не можетъ претендовать на значеніе въ той странѣ, интересовъ которой она не ограждаетъ въ тѣ роковые дни, когда дѣло идетъ о самой странѣ.

Въ скорбныя, но великія минуты роковой борьбы надъ всѣми партіями, программами, интересами возвышается сама страна—для насъ русскихъ, Россія. Всякій народъ въ своей совокупности есть прежде всего Великій Реалистъ. Если онъ не ясно сознаетъ, то онъ чувствуетъ свои насущные матеріальные интересы и признаетъ своими вождями тѣхъ, кто съумѣетъ эти интересы оградить и низвергаетъ тѣхъ, кто ихъ нарушаетъ.

Правительство Николая II было такъ легко сметено только потому, что народъ боялся съ его стороны измѣны въ пользу врага.

Свою кровь народъ проливаетъ не за программы, а за побѣды, а въ результатѣ войны онъ желаетъ не возвышенныхъ проповѣдей, а достиженія реальныхъ выгодъ для него всего, т.-е. для государства.

---

14. Положенія, развитыя въ брошюрѣ.

1. Расширеніе роли торговаго и финансоваго мірового рынка, вызывая солидарность интересовъ гражданъ всевозможныхъ странъ, сплетая эти интересы въ одинъ клубокъ, является прочной экономической основой для стремленій къ вѣчному миру во всемъ мірѣ.

Этотъ экономическій фундаментъ даетъ силу призывамъ къ установленію вѣчнаго мира среди народовъ со стороны науки, религіи и представителей всечеловѣческаго гуманизма.

Къ вѣчному миру толкаютъ широкія народныя массы и вліяніе ихъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ, съ одной стороны, будетъ больше развиваться международный міровой рынокъ и чѣмъ больше народовъ получатъ истинно демократическое устройство своего государственнаго образа правленія.

Передовымъ бойцомъ за вѣчный миръ является международная соціалдемократическая партія.

Совокупность указанныхъ экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ тенденцій дѣлаетъ вопросъ о вѣчномъ мирѣ изъ утопіи, каковой онъ былъ въ прежніе вѣка и эпохи,— вполнѣ достижимой цѣлью, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣль эта человѣчествомъ будетъ достигнута.

2. Но въ человѣчествѣ и его экономическомъ строѣ существуетъ цѣлый рядъ условій, которыя дѣлаютъ достиженіе вѣчнаго мира вопросомъ будущаго, а не настоящаго дня. То же самое развитіе мірового рынка заставляетъ націи бороться за преобладаніе на немъ, вести колоніальную политику, стремиться къ расширенію своихъ территорій. Нельзя отрицать при томъ, что побѣда какой-либо націи въ этой борьбѣ вовсе не служитъ интересамъ однихъ капиталистическихъ классовъ страны, т. е. представителей капитала, а выгодна всей странѣ. Хотя съ русской революціей демократическія стремленія міра

получили новую и весьма сильную опору, но въ самой Европѣ въ лицѣ центральныхъ Имперій и ихъ союзниковъ, т.-э. въ лицѣ Германіи, Австріи, Болгаріи, Турціи и Греческаго официальнаго правительства, міръ еще имѣетъ могущественныхъ сторонниковъ милитаризма съ его воинственной и захватной политикой. Во всемъ же мірѣ колоссальныя народныя массы находятся въ стадіи примитивнаго государственнаго устройства, отсутствія всякой культуры и въ состояніи зависимости отъ болѣе культурныхъ странъ, изъ которой народы всегда до сихъ поръ выходили путемъ вооруженной борьбы.

Во всемъ же мірѣ народныя массы еще невѣжественны, малокультурны, слабы въ экономическомъ отношеніи, лишены государственнаго разума. Въ прошломъ вся исторія человѣчества прошла подъ знакомъ борьбы за существованіе и развитіе отдѣльныхъ особей другъ съ другомъ, борьбы семей, націй, племенъ и государствъ, причемъ нельзя отрицать, что эта борьба является однимъ изъ двигателей мірового прогресса.

Ясно, что воинственныя наклонности человѣчества и отдѣльныхъ его представителей во всей прошлой исторіи рода людского, которая насчитываетъ за собой десятки тысячъ лѣтъ, имѣютъ за собой прочную наслѣдственность, тогда какъ стремленія къ вѣчному миру въ міровомъ масштабѣ есть продуктъ самыхъ послѣднихъ дней человѣчества. Вѣчный миръ также неизбѣженъ въ будущемъ, какъ невозможенъ въ ближайшемъ настоящемъ.

3. Основатели и учителя международнаго научнаго соціализма признавали при извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствахъ неизбѣжной и даже желательной не только оборонительную, но и наступательную и завоевательную войну. Вопросъ о войнѣ и мирѣ по ихъ ученію есть не вопросъ отвлеченныхъ принциповъ, а фактическаго положенія (см. характеръ войнъ, признаваемыхъ научнымъ соціализмомъ).

Патріотизмъ, какъ стремленіе подчинить интересы другихъ народовъ или другого народа интересамъ собственнаго народа, вовсе никогда не отвергался теоретиками научнаго соціализма. Доказательствомъ этого и притомъ безспорнымъ служитъ то неопровержимое обстоятельство, что самъ основатель и теоріи научнаго соціализма, и международныхъ объединеній пролетаріата Карлъ Марксъ былъ великимъ нѣмецкимъ патріотомъ.

5. Международное положенiе вопроса о мiровой войнѣ прежде всего характеризуется противъ монархическихъ государствъ— Германiи, Австрiи, Болгарiи и Турцiи. Бельгiя, Сербiя, Черногорiя и Румынiя потерпѣли жесточайшiя страданiя и разоренiе, въ надеждѣ между прочимъ на помощь Россiи и во имя святости международныхъ договоровъ (Бельгiя).

6. Заключивъ самостоятельно миръ съ центральными имперiями, Россiя совершила бы предательство не только по отношенiю къ своимъ мощнымъ союзникамъ, и но по отношенiи къ разгромленнымъ, униженнымъ и ограбленнымъ малымъ странамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россiя окончательно убила бы принципъ святости и ненарушимости международныхъ соглашенiй, который является необходимымъ условiемъ войны противъ войны.

7. Съ момента торжества русской революцiи война противъ центральныхъ имперiй имѣетъ явно и самоочевидно революцiонный характеръ. Побѣда съ согласiя державъ надъ ихъ врагами есть побѣда революцiи и демократiи, пораженiе и даже миръ ни въ чью — есть пораженiе прежде всего русской революцiи.

Только побѣда надъ центральными имперiями есть первый мiровой шагъ къ вѣчному миру, необходимое условiе ограниченiя вооруженiй и продолжительнаго мира въ Европѣ.

8. Сепаратный миръ, оттолкнувъ отъ Россiи и сдѣлавъ ее враждебной ея настоящимъ союзникамъ, сдѣлаетъ невозможнымъ помощь съ ихъ стороны экономическому прогрессу нашей Родины и осуществленiя цѣлаго ряда неотложныхъ экономическихъ задачъ, а равно и обезпеченiе жертвъ войны и ихъ семействъ. Сепаратный миръ отдастъ Россiю опять въ экономическую кабалу Германiи.

9. Возстановленiе Польши, какъ совершенно самостоятельнаго государства, возможно только путемъ рѣшительной побѣды надъ Австрiей и Германiей.

10. Война, возникнувъ вслѣдствiе непримиримости интересовъ воюющихъ странъ, въ свою очередь обострила эту непримиримость и сама создала цѣлый рядъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены только силой оружiя.

Мiровая война, призвавъ подъ ружье десятки миллiоновъ, подчинивъ себѣ мiровую промышленность, включивъ въ ряды воюющихъ самыя сильныя и передовыя страны

міра, создала колоссальный военный организмъ, который развивается и живетъ своими собственными законами — законами войны. Въ данное время въ мірѣ нѣтъ реальныхъ силъ и нѣтъ времени, чтобы эти законы войны замѣнить законами мира и примирить непримиримыя противорѣчія соглашеніемъ. Война можетъ кончиться только побѣдой и по всѣмъ даннымъ побѣдой державъ согласія надъ ихъ противниками.

Всякаго рода вмѣшательство въ этотъ ужасный, но естественный, ходъ событій совершенно безплодно и можетъ имѣть своимъ результатомъ только продолженіе войны, а вовсе не ея скорѣйшее окончаніе.

12. Владѣніе Россіей Константинополемъ и проливами имѣетъ колоссальное значеніе для развитія русскихъ производительныхъ силъ и повлечетъ за собой уменьшеніе затратъ на обезпеченіе безопасности Русскаго побережья Чернаго моря. Пріобрѣтя Константинополь съ проливами, а также и новыя территоріи въ Малой Азіи, свободная демократическая Россія пріобщитъ эти страны и области къ міровому прогрессу, создастъ свободный строй и внесетъ благосостояніе для населенія этихъ странъ.—

Оставленіе Константинополя подъ Турецкой властью есть великая утрата для мірового прогресса.

Съ другой стороны, при существованіи германскаго милитаризма, Турецкій Константинополь будетъ одной изъ опоръ этого милитаризма и въ силу этого одной изъ причинъ новыхъ войнъ.

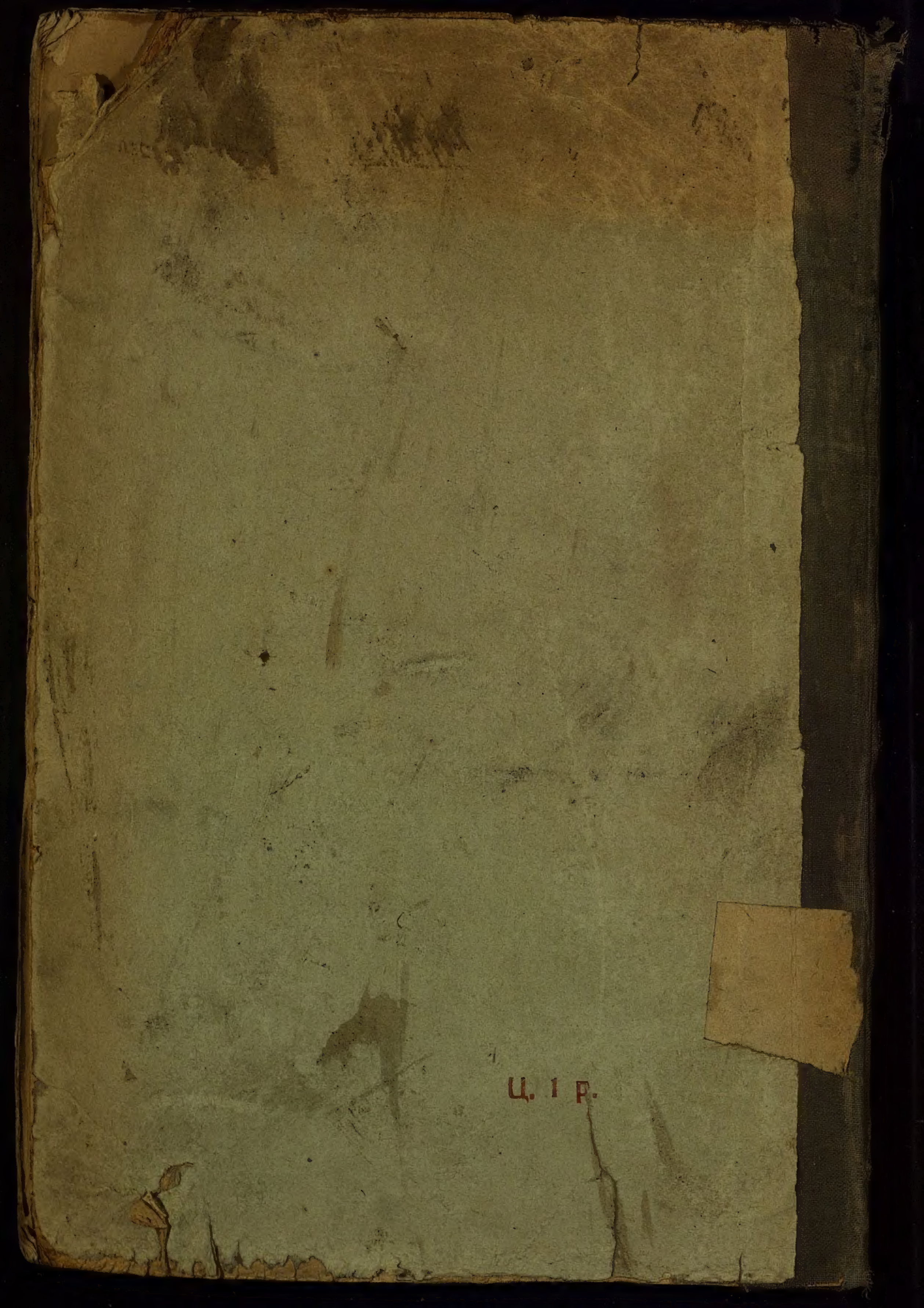
Превращеніе турецкаго Константинополя въ свободный городъ подъ международнымъ контролемъ, точно также требуетъ побѣды надъ центральными имперіями, какъ и пріобрѣтеніе его Россіей.

Между тѣмъ для русской торговли и промышленности, вслѣдствіе ихъ отсталости, Константинополь, какъ свободный портъ, представляетъ огромную и неминуемую опасность.

Русская кровь, пролитая за международный Константинополь, будетъ пролита во вредъ кореннымъ интересамъ Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ц. 1 р.